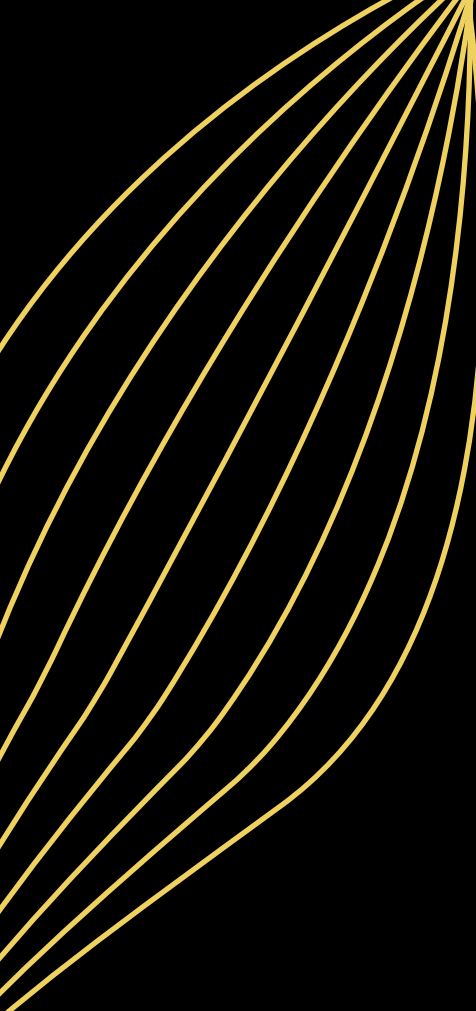

Международный Аспект

ВЫПУСК №2(16)
АПРЕЛЬ-ИЮНЬ 2024

International
VOL 5 NO. 2(16)
APRIL-JUNE 2024 Aspect

ПРОШЛОЕ В СОВРЕМЕННОСТИ

The Impact of the European “Scramble for Africa” on African States

KINGSLEY CHIBUEZE OSUJI

• 4

Оценка роли Германской империи в развязывании Первой мировой войны в немецких газетах (2014 г.)

ТЕРЕНТЬЕВ ВАЛЕНТИН ОЛЕГОВИЧ

• 22

Британо-американское ядерное сотрудничество и альянс AUKUS в контексте проблемы ядерного нераспространения

АЛЕКСАНДРОВА АННА СЕРГЕЕВНА

• 35

International Aspect

ACADEMIC JOURNAL

Published since 2020 quarterly

Vol. 5, No. 2(16), 2024

Международный Аспект

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал издается с 2020 г. ежеквартально

Том 5, Выпуск 2(16), 2024

Индексируется в РИНЦ

Издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес издателя: 119454 Москва, проспект Вернадского, 76

Publisher: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,

ISSN 2949-6381 (Print) ISSN 2949-6365 (Online)

Содержание

история международных отношений

- Влияние европейской «схватки за Африку» на африканские государства • 4
Кингсли Чибуэзе Осудзи

- Оценка роли Германской империи в развязывании Первой мировой войны в немецких газетах (2014 г.) • 22
Терентьев Валентин Олегович

современные международные отношения

- Британо-американское ядерное сотрудничество и альянс AUKUS в контексте проблемы ядерного нераспространения • 35
Александрова Анна Сергеевна

научная дискуссия

- Обзор круглого стола Итальянского клуба имени Т.В. Зоновой НСО МГИМО по теме «100-летие установления дипломатических отношений СССР со странами мира» • 49
*Сосницкая Виктория Дмитриевна,
Шуклин Даниил Андреевич*

рецензии

- Рецензия на книгу А.А. Алешина «Великобритания – Евросоюз – НАТО: Реорганизация “трансатлантического пространства безопасности”» (Аспект Пресс, 2023 г.) • 55
*Александрова Анна Сергеевна,
Васькина Ангелина Александровна*

Для связи с редакцией: internat.aspect@gmail.com
intaspect.ru
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
+7 (495) 229-41-78

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
Елена Бурдина

Заместитель главного редактора
Кирилл Ноздря

Редакторы
Алина Севостьянова
Варвара Кеня
Елена Бурдина
Кирилл Вошинский
Кирилл Ноздря
Марта Стучкайте
Равиль Шигапов
Самира Раджабова
Сергей Матюшкин
София Беломытцева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Редакционного совета
Андрей Анатольевич
Байков, к.полит.н.

Ирина Вячеславовна
Болгова, к.ист.н.
Игорь Александрович
Истомин, к.полит.н.

Contents

history of international relations

- The Impact of the European
“Scramble for Africa” on African States** • 4
Kingsley Chibueze Osuji

- Assessing the Role of the German Empire
in Unleashing the First World War in German
Newspapers (2014)** • 22
Valentin O. Terentyev

contemporary international relations

- The UK-US Nuclear Cooperation and AUKUS
Within the Context of Nuclear Non-Proliferation** • 35
Anna S. Aleksandrova

discussion

- Round Table by Italian Club (NSO MGIMO)
Review: 100 Years Since the Soviet Union
Diplomatic Recognition** • 49
Victoria D. Sosnitskaya, Daniil A. Shuklin

review

- Review of “Britain – the European Union – NATO:
Reorganization of the “Transatlantic Security
Space”” by A.A. Aleshin (Aspect Press, 2023)** • 55
Anna S. Aleksandrova, Angelina A. Vaskina

EDITORS

Chief Editor
Elena Burdina

Deputy Chief Editor
Kirill Nozdria

Editors
Alina Sevostyanova
Elena Burdina
Kirill Nozdria
Kirill Voshchinsky
Marta Stuchkajte
Ravil Shigapov
Samira Radzhabova
Sergei Matyushkin
Sofia Belomytseva
Varvara Kenya

EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial
Board
Andrey Baykov, Ph.D.
in Political Science

Irina Bolgova, Ph.D.
in History
Igor Istomin, Ph.D.
in Political Science

Contact the Editorial Board via: internat.aspect@gmail.com
intaspect.ru

76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454
+7 (495) 229-41-78

Влияние европейской «схватки за Африку» на африканские государства

Кингсли Чибузе Осудзи

Аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Научный руководитель д.и.н., профессор Ольга Олеговна Хохлышева,

Кафедра мировой дипломатии и международного права ННГУ

РЕЗЮМЕ

Европейская «схватка за Африку», происходившая в 1880-1914 гг., оказала значительное влияние на африканские общества, экономический уклад и политические институты. В статье рассматриваются доколониальные особенности развития африканских обществ, факторы, способствовавшие колонизации Африки европейскими державами, и наблюдаемые по сей день последствия этого периода. В Африке до колонизации наблюдалось большое цивилизационное разнообразие, отражавшее существование сложных социополитических структур и развивавшихся культурных практик. Проникновение европейских держав на Африканский континент и колонизация привели к возведению искусственных границ, нарушавших устоявшиеся этнические и культурные связи, что способствовало сохранению и нарастанию конфликтности и нестабильности в регионе. «Схватка за Африку» была обусловлена главным образом экономическими причинами, так как европейские государства были заинтересованы в добыче природных ископаемых и в открытии новых рынков для поддержания роста промышленности. На успех в продвижении вглубь континента повлияли технологические достижения, в том числе внедрение пароходов, а также инновации

в медицине. Формальное разделение Африки на колонии и сферы влияния произошло в ходе Берлинской конференции 1884-1885 гг., причем европейские державы не принимали во внимание устоявшиеся в африканских обществах структуры управления и социокультурные условия. Последствия такого подхода сказываются на функционировании современных политических институтов в Африке. Экономическая эксплуатация способствовала становлению «добывающих» отраслей экономики, что повлияло на непреходящий уровень бедности и экономического отставания африканских государств в настоящее время. Колониальные власти занимались прежде всего добычей природных ресурсов в ущерб местному развитию, что способствовало установлению зависимости Африки от Европы. Сохраняющееся наследие колониализма оказывает глубокое влияние на социально-экономическое развитие Африки, а также на продолжающиеся этнические конфликты и неустойчивость государственного управления. В исследовании подчеркивается важность понимания исторических условий колонизации для решения современных проблем развития в Африке. Указано на необходимость рассмотреть в будущих исследованиях особенности постколониального развития африканских государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Схватка за Африку; колониализм; доколониальный период; экономическая эксплуатация; этнические конфликты.

Для связи с автором: kingsley05@gmail.com

The Impact of the European “Scramble for Africa” on African States

Kingsley Chibueze Osuji

PhD Student, 1st Year

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Research supervisor: Prof. Olga O. Khokhlysheva (Doctor of Historical Sciences)

Department of World Diplomacy and International Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

ABSTRACT

The European “Scramble for Africa”, which took place from 1880 to 1914, brought about profound changes in African societies, economies, and political frameworks. This research investigates the precolonial environment, the driving forces behind European colonisation, and the enduring consequences of this historical epoch. Africa was originally marked by a variety of civilisations that exhibited intricate socio-political structures and vibrant cultural practices. The incursion of European powers resulted in the imposition of artificial borders, which disrupted pre-existing ethnic and cultural affiliations. This disruption has contributed to persistent conflicts and instability in the region. The Scramble was fundamentally motivated by economic factors, with European nations pursuing raw materials and new markets to support their industrial economies. Technological advancements, including steam-powered vessels and medical innovations, enabled a more profound exploration of the continent.

The Berlin Conference, held between 1884 and 1885, established the formal division of Africa, neglecting the existing indigenous governance structures and cultural contexts. This event has resulted in lasting implications for modern political environments. The economic exploitation characteristic of this period gave rise to extractive economies, resulting in pervasive poverty and underdevelopment across African nations. Colonial authorities emphasised the extraction of resources, often at the expense of local development, resulting in a reliance on European markets. The enduring impact of colonialism profoundly influences the socio-economic landscape of Africa, manifesting in persistent ethnic conflicts and governance challenges. This research emphasises the significance of comprehending the historical backdrop of colonialism in order to tackle Africa's present developmental challenges and points to the necessity for additional investigation into the continent's post-colonial path.

KEYWORDS

European Scramble for Africa; Colonialism; Precolonial Africa; Economic exploitation; Ethnic conflicts.

INTRODUCTION

The first recorded encounter between Europeans and Africans occurred during Diogo Gomes's travels in 1456–1562, laying the groundwork for centuries of trade and exploration. Rodney's research indicates that small wars like the one in modern-day Angola didn't start until 1579, and even then, they were more characterised by cordial exchanges and commercial transactions than by violent conquests. Prior to the massive arrival of European colonists in the late 19th century, precolonial empires, kingdoms, and societies flourished for centuries throughout Africa, giving rise to a rich and complex historical narrative. Africa, being the second-largest inhabited continent in the world, has a long and complex history that has influenced its current state. Africa's precolonial era (16th-19th centuries) was characterized by a variety of civilizations with sophisticated economies, complex sociopolitical structures, and rich cultural traditions. With over 3,000 ethnic groups and languages spoken, the continent also exhibited a high degree of diversity^[1]. However, the effective presence of the European powers in the late 19th century brought about significant changes, leading to the scramble for Africa and eventual colonial dominance. This period had a profound impact on Africa and its people, shaping the continent's socio-political, economic, and cultural landscape.

The period of European colonisation of Africa, which started with the Scramble for Africa, began in the late 1800s and lasted into the 1960s.^[2] The events of this

period can be distinguished between the Scramble for Africa itself, which occurred between 1880 and 1914, and the subsequent era of effective colonialism in Africa. In this work "Scramble for Africa" refers to the activities of the Europeans in Africa between 1880 and 1914 when European nations divided the African continent into colonies and protectorates, mostly to prevent internal warfare and with little awareness of local realities. As for effective colonialism in Africa, which lasted until the 1960s, it entailed European powers imposing colonial control and exploitation, resulting in resource extraction and the formation of colonial knowledge systems, European political systems, and cultures. During the effective colonisation era, Eurocentric knowledge of Africa dominated and formed the future views about Africa by Africans and non-Africans, causing Afrocentric researchers to make efforts to produce decolonial African knowledge. In sum, the Scramble for Africa focused on territorial acquisition, while the subsequent effective colonisation extended to establishing power structures and knowledge systems in the African continent. For the sake of clarity, this paper focuses on the period between 1880 and 1914, with an introductory analysis on precolonial Africa.

There are many who contend that European colonialism of Africa yielded significant advantages, like the advancement of infrastructure and the availability of contemporary technologies^[3]. This claim is supported by the active participation of European engineers in constructing vital infrastructure such as railroads,

[1] Tymowski M. The Origins and Structures of Political Institutions in Pre-Colonial Black Africa: Dynastic Monarchy, Taxes and Tributes, War and Slavery, Kinship and Territory / M. Tymowski. – Edwin Mellen Press, 2009. – P. 9.

[2] Sanderson G.N. The European Partition of Africa: Origins and Dynamics // The Cambridge History of Africa. – Cambridge University Press, 1985. – P. 96.

[3] Andersen C. Experten der Erschließung: Akteure der deutschen Kolonialtechnik in Afrika und Europa 1890–1943

[Experts in Development: German Colonial Technologists in Africa and Europe 1890–1943] by Sebastian Beese // Technology and Culture. – 2022. – № 3 (63). – P. 889.

contributing to urbanisation and economic progress in the colonies^{[1],[2]}. African populations living nearby modified colonial-era technology like bicycles and firearms to suit their own purposes and goals^[3]. It's important to keep in mind that these benefits frequently come with disadvantages, such as the establishment of hierarchical institutions and the use of coercive methods against African communities. Furthermore, proofs have shown that these technologies were only created for colonial purposes^[4]. The long-lasting effects of colonial control, such as setting state borders, protecting colonial institutions, and creating inequality, are still having political effects in Africa today.

Moreover, the Scramble for Africa can also be linked to major geopolitical influence. The partitioning of Africa by European powers created artificial borders that divided ethnic groups and communities, leading to conflicts and instability^[5]. The exploitation of resources further entrenched significant economic and political control by European powers over the continent to this day.

Therefore, this study seeks to answer the question how did the Scramble for Africa impact on African societies? By examining the impact of the Scramble for Africa, this study aims to provide an analysis of important features of the European Scramble for Africa and its implications.

This study is significant because it provides a comprehensive analysis of the Scramble for Africa, focusing on its precolonial and geopolitical aspects, and

reveals the root causes of Africa's ongoing development challenges. Furthermore, it contributes to the history of international relations by examining the impact of European colonialism for Africa.

The study of the Scramble for Africa is a complex and multifaceted topic that requires a comprehensive research methodology. Various research methods can be used to explore the different aspects of this period, including historical, economic, political, and sociological approaches. A mixed-methods strategy is used in this work, integrating comparative analysis and archival research. To understand the intentions and deeds of European powers during the Scramble for Africa, archival research examines primary sources, including historical documents, letters, and official records, as well as interviews regarding the Berlin Conference and colonial agreements. Books, journals, encyclopedias and internet resources from the University library, Jstor, Google Scholar, and other data bases, were the main sources of this work. Using the tools of descriptive-historical analysis, and content analysis, all of the collected data were subject to in-depth qualitative analysis.

The Scramble for Africa has been attributed to various factors, and numerous concepts have been put forward to explain this phenomenon. One of the most widely accepted theories is economic theory. According to it, the Scramble for Africa was primarily driven by the European need for raw materials and markets for industrialization. European powers saw the African continent as a source of valuable resources such as

[1] Robinson A.L. Colonial rule and its political legacies in Africa // Oxford Research Encyclopedia of Politics. – 2019. – URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.1346>

[2] Ayers A.J. Beyond Myths, Lies and Stereotypes: The Political Economy of a New Scramble for Africa // New Political Economy. – 2013. – №18(2). – P. 1-31.

[3] van Detours L.D. Around Africa: The Connection Between Developing Colonies and Integrating Europe // Materializing Europe: Transnational Infrastructures and the Project of Europe. – London: Palgrave Macmillan UK, 2010. – P. 27.

[4] Rodney W. How Europe Underdeveloped Africa. – London: Bogle – L'Ouverture Publications, 1972. – 312 p.

[5] Michalopoulos S., Papaioannou E. The Long-Run Effects of the Scramble for Africa // American Economic Review. – 2016. – № 7 (106). – P. 1802-1848.

rubber, timber, and minerals, which were essential for their industrial economies. The rapid growth of industries in Europe created a high demand for these resources, and Africa was seen as a prime source. As a result, European powers engaged in a race to acquire territories and control over the resources in Africa. The economic theories used to justify colonialism include the belief that colonies could serve as a vent for surplus capital in Europe^[1]. Marxists focused on the idea of earning super-profits from investing in colonies. Some claim that imperialism and colonialism were motivated by particular economic objectives^[2]. The classical theories of imperialism discussed that the annexation of colonies was driven by securing sheltered markets for investments and asserting control over trade^[3]. Modern successors to these theories also consider the prospects of monopoly profits as a driving force of imperialism^[4].

The article consists of three parts. It first analyses the state of affairs in pre-colonial Africa to show that before the start of the Scramble for Africa the continent hosted a number of civilisations and polities that had some relations with the Europeans, but were capable of developing on their own. The second part dwells upon the factors that made the Scramble for Africa possible, focusing on commerce and technological development. The third part deal with the implications of the Scramble for Africa, namely for the geopolitical position of European powers, as well as the economic underdevelopment and rising conflict potential of African states.

PRECOLONIAL AFRICA

From the time of the first European invasions until the end of the 15th century, there was a fairly credible account of Sub-Saharan Africa's history. The genesis and migration of African people, their tribal histories, and the endeavours of Europeans, Arabs, and others to find and trade with Africa all constitute the first significant era in African history. The Portuguese discoveries, which opened the way for invasion by other European powers, mark the end of this historical period. The Portuguese were traders and sporadic travellers until the latter half of the 15th century. They sailed around the point (known today as the Cape of Good Hope), investigated the coast, and discovered a route across the Indian Ocean to reach India in the 15th century. Some powers (Britain, Holland, and France) emerged there in the 16th century, and their conflicts with African nations as well as amongst themselves started then. Severe attempts were undertaken in the 16th century to convert African kingdoms to Christianity. Portugal's crops and mines needed labour, hence, they started bringing inexpensive labour from Africa to these nations. But out of self-interest, the British and Dutch drove the Portuguese from their most lucrative stations, taking control of them to serve as slave camps. Thus, it can be concluded that the trade in gold and ivory, as well as the availability of inexpensive labour, made Africa a popular destination for European explorers in the 16th century.

[1] Rönnbäck K., Broberg O. Capital and Colonialism in Theory // Capital and Colonialism. – Palgrave Macmillan, 2019. – P. 39.

[2] Gottheil F.M. On an Economic Theory of Colonialism // Journal of Economic Issues. – 1977. – № 1 (11). – P. 83.

[3] Svedberg P. Colonialism and Foreign Direct Investment Profitability // International Capital Movements. – London: Palgrave Macmillan UK, 1982. – P. 172-194.

[4] Beloff M. The Economic Argument // Dream of Commonwealth, 1921-1942. – London: Palgrave Macmillan UK, 1989. – P. 105.

Nevertheless, as of the 1870s, several African states occupied the entire grassy area between the Sahara and the forest, which was roughly 500 miles broad and 2,500 miles long^[1]. These states possessed a highly developed civilization. While some were pagans but influenced by Islam, others were Muslims. Each of them had a few individuals who were conversant in Arabic and had connections to the refined Islamic society. Among them were eminent Muslim academics. It is remarkable that despite this creeping process of exploration, the interior of Africa was virtually unknown to Europe at the time. Going back to the early 1800s, when European politicians were preoccupied with the Napoleonic Wars^[2] the only African river that Europeans knew well enough at the time was the Nile. In the process of investigation, the colonists took over a number of African coast places to serve as trading hubs for the Congo and one or two others that became home to numerous Europeans in 1870–1884.

Precolonial African societies were characterised by diverse political and economic structures, which contributed to their prosperity and stability. Tymowski further explores the origins and structures of these institutions, including monarchic systems, taxation, and tribute collection^[3]. Charle underscores the relationship between political authority systems and economic performance, suggesting that the allocation of resources and control of economic activities by political power can have a significant impact on the overall development and success of African socie-

ties^[4]. Additionally, Tymowski emphasises the role of trade networks and commercial activities in shaping economic structures, further highlighting the complexity and interconnectedness of political and economic systems in Africa that influence economic growth^[5].

Evidently, precolonial African kingdoms such as the Ardra Kingdom in present day Benin Republic, Buganda in Uganda, and the Bailundo Kingdom in Angola survived the Scramble for Africa (1880–1914). These Kingdoms continue to exist as non-sovereign monarchies with varying legal and constitutional situations within their own countries. They maintained an interconnectedness of their political and economic systems in Africa that influenced economic growth^[6].

This interconnectedness played a significant role in shaping the continent's history and culture. Moreover, African societies were diverse and varied in their political and economic structures. Political power was often decentralised, with many societies organised around kinship or clan-based systems. In some societies, however, there were centralised monarchies or city-states. Scholars emphasise the role of centralised political institutions in reducing corruption, fostering the rule of law, and improving public goods provision. Arguing that the precolonial economic systems were also diverse, with many societies practicing subsistence agriculture, pastoralism, or trade, some societies had developed complex systems of trade and commerce, with goods exchanged over

[1] Andersen C. Experten der Erschließung: Akteure der deutschen Kolonialtechnik in Afrika und Europa 1890–1943 [Experts in Development: German Colonial Technologists in Africa and Europe 1890–1943] by Sebastian Beese // *Technology and Culture*. – 2022. – № 3 (63). – P. 889–890.

[2] Karmwar M. 1898 Fashoda Incident. – A.K. PUBLICATIONS, 2016. – P. 15–16.

[3] Tymowski M. The Origins and Structures of Political Institutions in Pre-Colonial Black Africa: Dynastic Monarchy, Taxes and Tributes, War and Slavery, Kinship and Territory / M. Tymowski. – Edwin Mellen Press, 2009. – 228 p.

[4] Charle E. Political Systems and Economic Performance in Some African Societies // *Economic Development and Cultural Change*. – 1970. – № 4, Part 1 (18). – P. 575–597.

[5] Tymowski M. The Origins and Structures of Political Institutions in Pre-Colonial Black Africa: Dynastic Monarchy, Taxes and Tributes, War and Slavery, Kinship and Territory / M. Tymowski. – Edwin Mellen Press, 2009. – 228 p.

[6] Röschenhaler U. African Trade Networks and Diasporas. // *The Cambridge History of Global Migrations*. – Cambridge University Press, 2023. – P. 220–239.

long distances. It is important to note that precolonial African societies were not static and evolved over time^{[1],[2]}.

In this regard, A.B. Adeoye examines the organisational structures, institutions, and administrative systems of precolonial African states, he refutes the idea that there was no historical movement or growth in Africa prior to the entrance of colonialists and emphasises the variety of political organisations and communalism systems that existed. The political and economic structures of precolonial African societies contributed to their prosperity and stability in several ways. Firstly, the communalism and high community modes of production that were prevalent in many African societies fostered a sense of collective responsibility and cooperation, which helped to ensure that everyone's basic needs were met. Secondly, the decentralised government systems that were common in many African societies, based on kinship and lineage systems, ensured that power was distributed more evenly and that leaders were held accountable to their communities^[3]. This helped to prevent the concentration of power in the hands of a few individuals, which could lead to instability and conflict. Finally, the development of trade activities and the expansion of agriculture helped to create surplus production, which in turn led to the growth of the population and the development of specialised skills and crafts. This helped to create a more diversified and prosperous economy, which contributed to the overall stability and well-being of precolonial African societies.

The impacts of precolonial trade networks on Africa's relations with other re-

gions were significant. These networks facilitated the exchange of goods, ideas, and cultural practices, leading to the development of complex economic and social systems^[4]. The trans-Saharan trade routes, for instance, connected West Africa with the Mediterranean and the Middle East, enabling the exchange of gold, salt, and other commodities. Similarly, the Indian Ocean trade network linked East Africa with the Middle East, India, and Southeast Asia, fostering commercial and cultural interactions. With the arrival of European powers, these trade networks underwent substantial changes. The European powers sought to exploit Africa's resources and establish trade monopolies, leading to the disruption of existing trade patterns and the imposition of new systems of commerce^[5].

In the 1870s, several European nations sought to extend their dominance in Africa. Prior to this time, some European nations primarily confined their presence in the coastal regions where they only maintained forts for trading. Great Britain had fort in the area presently known as Freetown in Sierra Leone, established forts along the coast of The Gambia, had a presence at Lagos, in the Gold Coast, and had significant presence in Southern Africa (Cape Colony, Natal, and the Transvaal, which it annexed in 1877). In addition, Southern Africa was home to the autonomous Boer Oranje-Vrystaat (Orange Free State). France had settlements in Dakar and St. Louis in Senegal and had extended its influence up the Senegal River, as well as in the Assinie and Grand Bassam areas of Cote d'Ivoire. It also held a protectorate over the coastal region of Dahomey (now

[1] Abrahamsen R. African Studies and the Postcolonial Challenge // African Affairs. – 2003. – № 407 (102). – P. 189–210.

[2] Gennaioli N., Rainer I. Precolonial Centralization and Institutional Quality in Africa. – The MIT Press, 2007. – P. 21–46.

[3] Adeoye A.B. Organizational Structures, Institutions and Administrative Systems in Pre-colonial African States: A Discourse // International Journal of Innovative Research and Development. – 2019. – № 7(8). – P. 339–345.

[4] Manning P. Review of An Economic History of West Africa by A.G. Hopkins // Canadian Journal of African Studies – 1974. – № 1 (8). – P. 177–179.

[5] Beloff M. The Economic Argument // Dream of Commonwealth, 1921–1942. – London: Palgrave Macmillan UK, 1989. – P. 105–121.

Benin) and initiated the colonisation of Algeria in 1830. Portugal had established enduring military outposts in Angola (first arriving in 1482, and later recapturing the port of Luanda from the Dutch in 1648) and Mozambique (first arriving in 1498 and establishing trading posts by 1505). Spain had minor presence in northwest Africa, specifically Ceuta and Melilla, known as *África Septentrional Española* or Spanish North Africa. The Ottoman Empire exerted influence over Egypt, Libya, and Tunisia, although the degree of their rule varied significantly^[1]. The activities of the Europeans at this period did not amount to domination of the continent, as major African empires remain politically independent and only cooperated in trade and commerce.

Traditionally, European nations had mostly focused on establishing modest commercial outposts. Their primary objective was to establish commercial alliances and establish tiny outposts to facilitate their navigation down the African coastline for the purpose of engaging in commerce with Asia. However, this paradigm shifted when individuals such as King Leopold II of Belgium established the International African Association in 1876 with the purpose of investigating the interior regions of Africa. It was during this exploration that they unveiled the vast wealth of natural resources present on the continent. This garnered significant attention on the African continent. However, after King Leopold II's investigations, they began eagerly seeking to acquire vast territories that would provide them access to valuable resources such as gold and wealth. With the cessation of the transatlantic slave trade, some European nations recognised the opportunity to

acquire more territories as a means of preserving their dominance and prosperity. As each nation claimed the territory they decided was theirs, European forces killed thousands of Africans to achieve their goals. This process became known as the "Scramble for Africa"^[2].

FACTORS ENGENDERING THE SCRAMBLE FOR AFRICA

As aforementioned, economic concerns and the desire for territorial control were the main driving forces behind the European powers' race for Africa. Imperialists publicly justified capturing control of Africa in the name of humanitarianism, philanthropy, and Christian missionary work. Before imperial governments took control of large areas of Africa, missionaries, explorers, and private traders travelled the continent. These expeditions were written about in the European press, which increased interest in Africa.

To illustrate with a case, explorer Henry Morton Stanley was assigned the task of finding David Livingstone, a missionary who travelled through much of central Africa and for almost 6 years there was no evidence from him. Stanley was involved in the exploration of the Congo River and opened the area for colonisation by King Leopold II of Belgium^[3]. While such motivations as research or missionary activities might have driven some imperialists, they do not match the policies implemented by imperial governments. In other words, these excuses were not the primary reason why Europe took over Africa. In actuality, it was inspired by European imperial powers' desire to plunder African resources for

[1] Alistair B.-E. Events Leading to the Scramble for Africa // ThoughtCo: site. – 2019. – URL: <https://www.thoughtco.com/what-caused-the-scramble-for-africa-43730> (accessed: 26.07.2024).

[2] Chamberlain M.E. The Scramble for Africa / M.E. Chamberlain. – London, England: Longman, 2nd ed., 1999. – 152 p.

[3] Alistair B.-E. Events Leading to the Scramble for Africa // ThoughtCo: site. – 2019. – URL: <https://www.thoughtco.com/what-caused-the-scramble-for-africa-43730> (accessed: 26.07.2024).

their own gain, conquer new territories to better compete with their colonial rivals, and believe they are naturally superior to African people was what drove the Scramble for Africa. During this period, many European leaders subscribed to biological racism; they believed that the people of Africa could not and should not rule themselves. However, the most significant factors are supposed to be economic ones.

COMMERCIAL PURPOSE

After the cessation of the European trade in slaves, a pressing need emerged for new forms of trade between Europe and Africa. This shift was marked by an increasing awareness among European societies of the moral and ethical wrongs associated with the institution of slavery. Despite this burgeoning consciousness, however, imperialists remained intent on exploiting Africa's vast resources and opportunities for economic gain. With the abolition of the slave trade, these colonial powers looked to forge a new relationship with the continent, one that would be characterized as legitimate trade. In this context, explorations took on a new significance. Adventurous explorers embarked on expeditions across the African landscape, not only to map essential trade routes but also to uncover valuable deposits of raw materials that could be extracted and exported back to Europe. They traversed expansive rivers, navigated through dense jungles, and climbed high plateaus, all the while documenting their findings and gathering intelligence on potential markets for European manufactured goods^[1].

These explorers identified key population centers, often situated near rich natural resources, that could serve not only as strategic points for trade but also as locations where European goods could be introduced and sold. They recognized that as Africa's economies began to stabilize after the turmoil of the slave trade, a burgeoning market for textiles, tools, and other industrial products could emerge. Thus, the groundwork was laid for a new economic paradigm that sought to maximize profit while promoting a façade of mutual benefit and legitimate trade between European nations and African societies.

Plantations and cash crops dominated the era, and the labour force of the area was employed in the production of goods for Europe, such as rubber, coffee, sugar, palm oil, and lumber. Furthermore, the advantages were more alluring if a colony could be established, giving the European country a monopoly.

The rapid demographic growth and increased migration from Europe to Africa created a sensitive issue in Europe, leading to a scramble for resources and territories^[2]. The commodity price boom in Africa during the 19th century shifted the economic landscape in favour of European colonialism, resulting in Africa's specialisation in primary commodities^{[3][4]}.

DEVELOPMENT IN TECHNOLOGY

Technological development is one of the primary causes of the Scramble. In the early 19th century Europe did not have enough facilities and opportunities to completely overcome the African states

[1] Ewout F., Jeffrey G., Pieter W. An Economic Rationale for the African Scramble: The Commercial Transition and the Commodity Price Boom of 1845-1885. – National Bureau of Economic Research, 2015. – 40 p.

[2] Hansen P., Jonsson S. Demographic colonialism: EU-African migration management and the legacy of Eurafrica // Globalizations. – 2011. – № 3 (8). – P. 261-276.

[3] Chamberlain M.E. The Scramble for Africa / M.E. Chamberlain. – London, England: Longman, 2nd ed., 1999. – 152 p.

[4] Manning P. Review of An Economic History of West Africa by A.G. Hopkins // Canadian Journal of African Studies – 1974. – № 1 (8). – P. 177-179.

that resisted their penetration. However, in 1840 the first iron warship to sail across the ocean, the British ship *Nemesis*, sailed into Macao (South China). This event opened an era of new technological opportunities. The way that Europe and the rest of the globe interacted with each other was altered. The *Nemesis* had two strong steam engines, an iron hull, and a shallow draft of five feet. It was highly armed and could traverse non-tidal parts of rivers, providing access to the interior. In 1858, Livingstone travelled up the Zambezi River in a steamer and had the parts transferred to Lake Nyassa by land. Henry Morton Stanley and Pierre Savorgnan de Brazza were also able to explore the Congo thanks to steamers.

Alongside technical advancements in navigation, European colonists confronted formidable obstacles presented by the threats of tropical illnesses unique to Africa, which led to the continent being ominously dubbed the “White Man’s Grave”. Malaria and yellow fever were especially deadly, with historical records showing that just one in ten Europeans survived their first year in Africa during the 18th century. The alarming mortality rate presented a significant obstacle to colonial initiatives.

Nevertheless, medical improvements substantially changed this course. The identification of quinine, extracted from the bark of the cinchona tree in South America, offered an efficacious preventative for malaria, enabling European explorers and settlers to endure the dangers of tropical illnesses^[1]. Notwithstanding these gains, yellow fever continued to pose a significant concern, as no unique therapy was accessible.

The persistent health crises impeded European aspirations in some regions of Africa, rendering the construction and upkeep of colonies a challenging task. Consequently, whereas technical advancements offered essential instruments for exploration and conquest, the obstacles presented by tropical illnesses highlighted the intricacies of the Scramble for Africa, exposing a terrain characterised by both opportunity and danger in the drive for imperial aspirations.

IMPLICATIONS ARISING FROM THE SCRAMBLE FOR AFRICA

The abovementioned economic factors facilitating and encouraging the colonisation of Africa engendered geopolitical consequences for the great powers’ rivalry. Geopolitics can be referred particularly to the dominance of territorial waters and land. It consists of an influence on a specific geographical area, taking into account political and economic interests as well as possible risks. Belgian expeditions, including that led by Henry Morton Stanley, prompted a surge of European adventurers, including German writer Carl Peters, to do the same for other European countries^[2]. The acquisition of territory by Belgium was extensive and caused concern for Great Britain and France. Despite already owning India, Great Britain was reluctant to take on more territory in Africa but felt compelled to do so due to the actions of other nations^[3]. Other European powers, such as Germany and France, believed that controlling parts of Africa would be the key to strengthening themselves in competition against Great

[1] Alistair B.-E. Events Leading to the Scramble for Africa // ThoughtCo: site. – 2019. – URL: <https://www.thoughtco.com/what-caused-the-scramble-for-africa-43730> (accessed: 26.07.2024).

[2] Ibid.

[3] French D. The British Empire and the Meaning of ‘Minimum Force Necessary’ in Colonial Counter-insurgencies Operations, c.1857–1967. – Cambridge University Press, 2019. – P. 46–66.

Britain and France, who were the dominant powers at the time, and German explorers also started to venture into Africa.

In this context, German Chancellor Otto von Bismarck invited the major imperial powers of the world in 1884 for a conference on the African question. The conference main purpose was to decide how Africa would be divided between the European countries while avoiding war with each other. At the conference, these powers were to agree on mutual recognition of sovereignty over African territories if certain requirements were met, as if the imperial power occupied them militarily^[1].

The Berlin Conference signifies the end of the epoch of influence and coastal occupation. Along with the fall of Britain's industrial monopoly, it also heralds the growth of its competitors. The accords established in Berlin continue to have an impact on African country boundaries today. The partitioning of Africa during the Berlin Conference disregarded the interests and sovereignty of African nations, leading to long-lasting consequences for the continent. They occasionally gathered Africans who had never previously been unified under the same administration^[2], and they occasionally separated existing groupings of people. In other words, the Conference divided people who wanted to be together or combined ethnic groups that were enemies.

The summit demonstrated the "great powers" concern for unrestricted trade and navigation in the Congo region. The powers started to recognise at this point

that their nebulous demands, or "spheres of influence", would not be enough to dominate territory. To bolster its territorial claims, the conference needed solid control. In the words of Leonard Woolf, "the European nations fell upon Africa like a pack of snarling, fearful, quarrelling jackals"^[3].

However, the decisions taken in Berlin could not totally prevent further conflicts between the powers. The acquisition of African colonies allowed imperial states to increase their military capabilities, control key trade routes, and establish spheres of influence. In fact, the imperial powers came close to going to war with each other for control of these distant lands: Great Britain and France almost went to war in 1898 for control of the Sudan, while Great Britain and France together went to war with Germany in 1906 over Morocco.

The Fashoda Incident, also known as the Crise de Fachoda (French), was the result of imperialist territorial conflicts between Britain and France in East Africa between July 10 and November 3, 1898. The French mission to Fashoda on the White Nile aimed to take control of the upper Nile basin and therefore exclude Britain from Sudan. The French side and the British-Egyptian soldiers (who outnumbered the French 10 to 1) met on good terms, but back in Europe, it became a horror of war. The British stood steady while both empires were on the verge of war, with fiery rhetoric on both sides. The French withdrew under great pressure and secured Anglo-Egyptian control of the area^[4].

Similarly, the First Moroccan Crisis, also known as the Tangier Crisis, was an

[1] Bah T. Colonial imperialism: the partition of Africa at the 1885 Berlin Conference and its consequences for African Muslims // *The Different aspects of Islamic culture*, v. 6, pt. I: Islam in the World today, Retrospective of the evolution of Islam and the Muslim world. – Ed. by A. Ali, I. D. Thiam, Y. A. Talib. – UNESDOC Digital Library, 2016. – P. 135.

[2] Kassaye Nigusie W.M., Ivkina N.V. Post-colonial Period in the History of Africa: Development Challenges: Advances in African Economic, Social and Political Development // *Africa and the Formation of the New System of International Relations* / ed. by Degterev D.A., Timothy M.S., Vasiliev A.M. – Springer, 2021. – P. 39–54.

[3] Woolf L. *Empire and Commerce in Africa: A Study in Economic Imperialism*. – London: Routledge, 2021. – 398 p.

[4] Karmwar M. 1898 Fashoda Incident. – A.K. PUBLICATIONS, 2016. – 110 p.

international crisis that occurred between March 31, 1905, and April 7, 1906, concerning Morocco's status. Germany wanted to oppose France's expanding grip over Morocco, which made it difficult for France and Great Britain to relate cordially with Germany. This deteriorated German relations with France, and Britain improved the Anglo-French Agreement prior to World War I. The Algeiras Convention of 1906, which involved primarily European nations and confirmed French control, addressed the issue in Morocco^[1].

The scramble and colonialism in Africa, notably exemplified by the Berlin Conference of 1884–1885, were pivotal in integrating Africa into the global system to benefit their colonisers. Hence, the struggle for Africa continues in the 21st century, with Western monopolies and their governmental supporters being significant drivers, resulting in increased marginalisation and subordinate integration into the global economy^[2]. Additionally, the border configuration brought about by the scramble has had long-lasting economic and political repercussions, including ethnic partitioning and civil conflict, which the emerging powers are exploiting to seize control of portions of Africa through sponsored breakaway clamour in what appears to be a new scramble for Africa^[3].

COLONIAL BOUNDARIES AND ETHNIC CONFLICTS

The present political scene of Africa has been shaped in great part by colonial boundaries and ethnic conflicts, therefore

underscoring how the legacy of colonisation still influences state government and social connections all throughout the continent. The difficulties that have surfaced inside the framework of African governance cannot be seen as a result of the natural development of African civilisations; rather, they may be found in the historical processes of colonisation^[4].

The separation of Africa into many areas during the colonial era produced artificial borders that the colonial powers enforced without true respect for the ethnic or cultural reality of the continent. These manmade boundaries have had major consequences as they created conditions ready for conflict. The establishment of new national borders suddenly drove ethnic groups that had coexisted peacefully or created alliances into hostility and conflict. This was a calculated tactic used by European colonists to consolidate power; by setting several ethnic groups against one another, they aimed to create a system of government keeping colonial authority^[5].

Ancestral homelands were divided under this approach, whereby populations were broken apart or compelled into new alliances with tribes they had traditionally seen as competitors or enemies. As a result, many people caught themselves in civil strife driven by political representation, land, resources, and grievances; society divides grew along ethnic lines. As rivalry for political and economic power grew among the newly designated groupings, such conflicts resulted in in extensive prejudice based on

[1] Collins R.O., Burns J.M. European colonial rule in Africa // A History of Sub-Saharan Africa. – Cambridge University Press, 2013. – P. 295–307.

[2] Ayers A.J. Beyond Myths, Lies and Stereotypes: The Political Economy of a New Scramble for Africa // New Political Economy. – 2013. – №18(2). – P. 3.

[3] Michalopoulos S., Papaioannou E. The Scramble for Africa and Its Legacy / The New Palgrave Dictionary of Economics. – Palgrave Macmillan, 2020. – P. 1–11.

[4] Mupendana P. K., Sapogov V. M. Post-colonial Law and State Trends and Challenges in Africa // Bulletin of the Moscow State Regional University (Jurisprudence). – 2022. – № 2. – P. 15–24.

[5] Kassaye Nigusie W.M., Ivkina N.V. Post-colonial Period in the History of Africa: Development Challenges: Advances in African Economic, Social and Political Development // Africa and the Formation of the New System of International Relations / ed. by Degterev D.A., Timothy M.S., Vasiliev A.M. – Springer, 2021. – P. 39–54.

ethnicity^[1]. Moreover, the colonial systems built during this period have survived outside of the colonial era and shaped the creation of sovereign African governments. These legacies help to shape the political and ethnic terrain of modern Africa, therefore influencing ongoing problems with governance, instability,

and ethnic conflict. Many African countries have struggled with the effects of colonial borders and the ethnic conflicts they generated even after earning their freedom, which frequently show themselves as political upheaval, social strife, and civil war^[2].

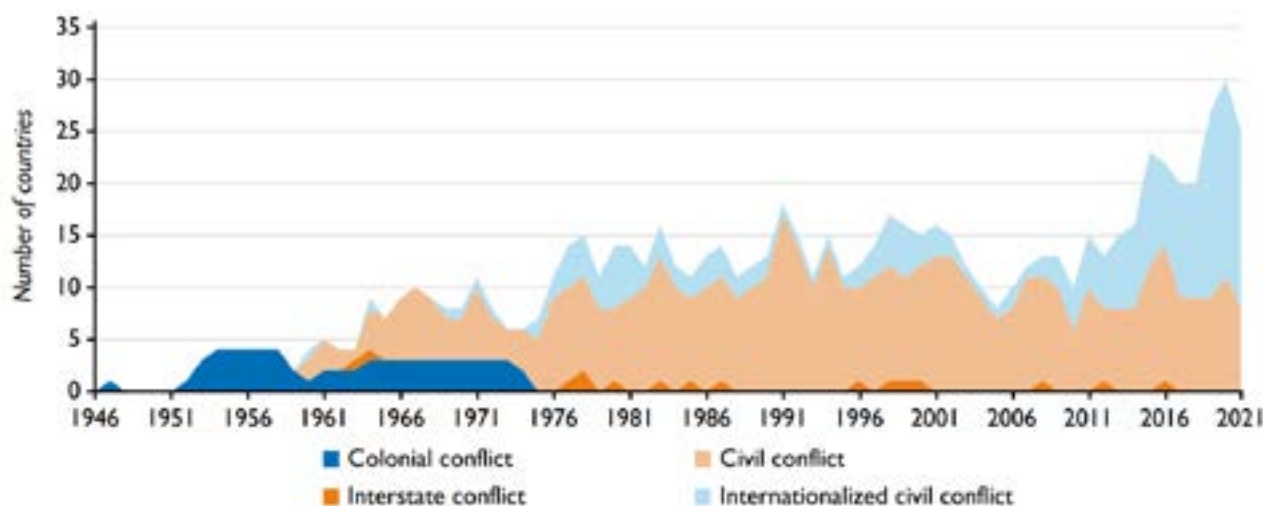

Figure 1: conflicts in Africa, 1946–2021^[3].

Figure 1 depicts the number of conflicts in Africa from 1946 to 2021, categorised as colonial, interstate, civil, and internationalised civil conflicts. The latter two are the most common types of war in Africa, with the majority being low-intensity conflicts. As illustrated in Figure 1, the overall number of state-based disputes decreased from 30 in 2020 to 25 in 2021. Civil wars accounted for 11 of the 30 conflicts in 2020. The remaining 19 were internationalised civil wars, the highest total in Africa since 1989.

More glaring is the fact that since WWII, 103 ethnic conflicts have occurred

in Africa as a result of European colonial lines^[4]. Since World War II, the bulk of civil wars in Africa have been fought on ethnic grounds^[5]. The division of countries and territories, as well as the economic disruption brought about by European colonial rule, have been the main causes of these conflicts^[6]. The artificial borders have divided ethnic groups and led to ongoing disputes over land and resources. The consequences of colonial misrule are evident in the deep scars left by these conflicts, which have been a defining feature of African history.

[1] Oloruntoba S.O. *Regional Integration, Borders and Development in Africa* // Borders, Mobility, Regional Integration and Development. – Springer International Publishing, 2020. – P. 25.

[2] Michalopoulos S., Papaioannou E. *The Scramble for Africa and Its Legacy* / *The New Palgrave Dictionary of Economics*. – Palgrave Macmillan, 2020. – P. 1-11.

[3] Palik J., Obermeier A.M., Rustad S.A. *Conflict Trends in Africa, 1989-2021*. – Oslo: Peace Research Institute (PRIO), 2022. – 38 p.

[4] Ottoh F.O. *Ethnic Identity and Conflicts in Africa* // *The Palgrave Handbook of African Politics, Governance and Development*. – New York: Palgrave Macmillan US, 2018. – P. 335.

[5] Guariso A. *Resource Inequality and Ethnic Conflict in Africa: New Evidence Using Rainfall Data* // *World Bank Blogs*. – 23.12.2015. – URL: <https://blogs.worldbank.org/impactevaluations/resource-inequality-and-ethnic-conflict-africa-new-evidence-using-rainfall-data-guest-post-andrea> (accessed: 04.01.2024).

[6] Depetris-Chauvin E., Özak Ö. *Borderline Disorder: (De facto) Historical Ethnic Borders and Contemporary Conflict in Africa* // *IZA Discussion Papers*. – 2020. – No. 13736. – 98 p.

Additionally, the rise of ethnic identity conflict in Africa can also be attributed to deliberate state policies that marginalise and alienate minority groups within the state. The Rwandan Genocide in 1994, where ethnic tensions between the Hutu and Tutsi populations escalated into a mass killing of Tutsis by the Hutu majority. Similarly, the ongoing conflict in Sudan, particularly in the Darfur region, involves ethnic tensions between Arab and non-Arab groups, resulting in widespread violence and displacement. Ethnic rivalries and resource competition between various ethnic groups, including the Hutu, Tutsi, and Lendu, have fueled the conflict in the Democratic Republic of the Congo. The ethnic conflicts in Nigeria, including the clashes between the Hausa-Fulani, Yoruba, and Igbo ethnic groups, have resulted in violence, communal clashes, and political tensions. The ethnic tensions and violence in South Sudan, particularly between the Dinka and Nuer ethnic groups, led to a civil war and humanitarian crisis^[1]. What is more, the border design resulted in a large number of landlocked countries, limiting their ability to trade and making them vulnerable to political instability in neighbouring countries^[2].

ECONOMIC IMPACT ON AFRICA

Because the primary goal of the European powers in colonising Africa was to extract its resources for their own

advantage, this resulted in the formation of extractive economies, with African farmers being pushed to plant cash commodities such as cocoa and coffee, exacerbating food shortages in many parts of Africa. Africans were forced to work in horrific conditions on plantations, railroads, and logging to aid the exploitation and exportation of African resources to Europe, leaving little for the local population. This economic exploitation resulted in the impoverishment of African countries, as they were unable to invest in their own development and were left dependent on European powers for their economic growth^[3].

Additionally, during the Scramble for Africa, the European colonial powers of Britain, France, Belgium, Germany, and Portugal had differing approaches and impacts. For instance, France and Britain responded to political challenges with repression, using brutal methods to suppress uprisings and anti-colonial activities^[4]. Belgium's approach to colonial rule resulted in a massive disruption of African societies and the imposition of centralised, authoritarian governments^[5]. Germany aimed to build a global German economy through the design of the German rupee in East Africa^[6]. Portugal, although not a principal actor in the discussion of colonial redistribution, was placed at the centre of debates due to the perception of Portugal as an inadequate colonial power^[7]. Each colonial power had its own strategies and policies, influenced by political and

[1] Ethnicity and ethnic conflict // Emory.edu. – URL: <https://scholarblogs.emory.edu/violenceinafrica/wiki-round-2-causes-of-conflict/ethnicity-and-ethnic-conflict/> (accessed: 26.12.2024).

[2] Michalopoulos S., Papaioannou E. The Long-Run Effects of the Scramble for Africa // *American Economic Review*. – 2016. – № 7 (106). – P. 1802.

[3] Bond P. *Looting Africa: The Economics of Exploitation* / P. Bond, London, England: Zed Books, 2006. – 192 p.

[4] Rodrigues L. B. Colonialismo como laboratório: “A Batalha de Argel” e a tortura como projeto de controle político // *Em Tempo de Histórias*. – 2020. – № 37 (1). – P. 62-74.

[5] Krozewski G. Colonial Money in Africa and National Economy-building in Britain and Germany: Examining Relations of Agency, 1890s–1930s // *Monetary Transitions*. – Springer International Publishing, 2022. – P. 239.

[6] Langewiesche D. “Savage War” as “People’s War”: Nineteenth-century African Wars, European Perceptions, and the Future of Warfare // *The Journal of Modern History*. – 2022. – № 3 (94). – P. 537.

[7] Gonçalves M. The scramble for Africa reloaded? Portugal, European colonial claims and the distribution of colonies in the 1930s // *Contemporary European history*. – 2021. – № 1 (30). – P. 2-15.

economic circumstances, which ultimately shaped their impacts on Africa during this period.

Many Africans were forced to leave their lands and work on European-owned plantations or mines, leading to the loss of their traditional means of subsistence^[1]. This displacement and loss of land ownership had a devastating impact on the economic well-being of these communities, resulting in poverty and food insecurity.

The result of European powers' activities in Africa was widespread underdevelopment and inequality in individual African countries. They invested in infrastructure and development projects that only served their own interests, such as railways and ports, to facilitate the export of resources. This led to a stark contrast between the developed and underdeveloped regions within individual countries, with the bulk of the population living in poverty.^[2]

CONCLUSION

Precolonial African nations were drastically altered in their conventional structures and cultural systems by the European foray into Africa. Significant upheaval resulted with the establishment of European colonial powers, which overthrew native political structures and hierarchies in favour of alien political structures that frequently ignored native traditions and authority. This signalled the start of a turbulent period defined by resource exploitation, in which the abundant natural riches of the continent were taken by force in order to support the economy of European nations. In addition to economic exploitation, African peoples lost their political agency and

sovereignty when European frameworks and control were imposed, with far-reaching effects that are still felt today. Understanding and empathy are essential while examining this historical backdrop, as the colonisation of Africa resulted in much misery and sorrow for its people. The resources that had kept communities alive, the lands that had supported a variety of cultures for millennia, and the autonomy that had allowed society to flourish were all methodically stripped away. This historical era continues to influence the socioeconomic and political conditions that many African countries confront today; it is not just a chapter in history. Therefore, understanding the full scope of the effects resulting from the European race for Africa requires an appreciation of the enormous cost of colonialism.

There is a strong argument that Africa would have developed differently in the absence of colonialism. Supporters of this viewpoint contend that the continent was severely underdeveloped as a result of colonisation rather than seeing actual progress^[3]. African political sovereignty was undermined by European colonial control, opening the door for widespread resource exploitation. African economies were hampered in their growth and were heavily dependent on European markets and goods as a result of the economic policies put in place during this time, which were primarily intended to serve European interests^[4]. As a result, the majority of African republics were forced to serve as providers of raw materials, and their own native economies were inextricably tied to the requirements and wants of their colonisers, locking them in a

[1] Boulton J. *The Destruction of Food Resources at the Colonial Frontier* // *Aboriginal Children, History and Health*. – New York, NY: Routledge, 2016. – P. 150.

[2] Stanley L., Kenneth L. *Colonialism, Inequality, and Long-Run Paths of Development* // *National Bureau of Economic Research*, 2005. – 34 p.

[3] Rodney W. *How Europe Underdeveloped Africa*. – London: Bogle – L'Ouverture Publications, 1972. – 312 p.

[4] Leander H., James A. *Colonialism and Economic Development in Africa* // *National Bureau of Economic Research*, 2012. – 38 p.

never-ending cycle of economic stagnation. Colonialism left behind a number of social, political, and economic issues that still afflict the continent today, such as the fragmentation of indigenous economies and the rise of corruption^[1]. It has long been acknowledged that colonialism had a negative overall effect on Sub-Saharan Africa's development, acting as a barrier to advancement and modernisation. Even with these shifting circumstances, Africa still faces formidable obstacles: the continent's poverty rates are startlingly high when compared to other emerging nations, and the continent's attempts to reduce poverty have not been particularly successful. The colonial legacy is a spectre that hangs large, emphasising how critical it is to comprehend the historical backdrop as Africa navigates its destiny amid shifting global ties.

There still is room for further research to answer the questions of why Africa has

not recovered to its full potentials since colonisation, compared to other states that were colonized and gained independence within the same period, in Asia and other parts of the world. The various economic prescriptions put forth by the World Bank and IMF, including Structural Adjustment Programs in the 1980s, did not succeed in fostering development in Africa. Which practices inherited from European colonialists are hindering the development of African states? Why has the continent's attempts to reduce poverty not been successful? Thus, it is essential to conduct a thorough examination of the colonial-economic frameworks bequeathed to the newly independent African nations and to assess how these structures have been altered during the post colonial era to foster Africa's development or preserved to perpetuate European dominance in a neocolonial context.

[1] Alfred A. The Under-Development of Africa: Colonialism, Neo-Colonialism and Socialism. – Labham, Maryland: University Press of America, 1995. – 171 p.

REFERENCES

1. Abrahamsen R. African Studies and the Postcolonial Challenge // African Affairs. – 2003. – № 407 (102). – P. 189–210.
2. Adeoye A.B. Organizational Structures, Institutions and Administrative Systems in Pre-colonial African States: A Discourse // International Journal of Innovative Research and Development. – 2019. – № 7(8). – P. 339–345.
3. Alfred A. The Under-Development of Africa: Colonialism, Neo-Colonialism and Socialism. – Labham, Maryland: University Press of America, 1995. – 171 p.
4. Alistair B.-E. Events Leading to the Scramble for Africa // ThoughtCo: site. – 2019. – URL: <https://www.thoughtco.com/what-caused-the-scramble-for-africa-43730> (accessed: 26.07.2024).
5. Andersen C. Experten der Erschließung: Akteure der deutschen Kolonialtechnik in Afrika und Europa 1890–1943 [Experts in Development: German Colonial Technologists in Africa and Europe 1890–1943] by Sebastian Beese // Technology and Culture. – 2022. – № 3 (63). – P. 889–890.
6. Anyu J.N. The International Court of Justice and Border-conflict Resolution in Africa: The Bakassi Peninsula Conflict // Mediterranean Quarterly. – 2007. – № 3 (18). – P. 39–55.
7. Ayers A.J. Beyond Myths, Lies and Stereotypes: The Political Economy of a New Scramble for Africa // New Political Economy. – 2013. – №18(2). – P. 1–31.

8. Bah T. Colonial imperialism: the partition of Africa at the 1885 Berlin Conference and its consequences for African Muslims // *The Different aspects of Islamic culture*, v. 6, pt. I: *Islam in the World today, Retrospective of the evolution of Islam and the Muslim world*. – Ed. by A. Ali, I. D. Thiam, Y. A. Talib. – UNESDOC Digital Library, 2016. – P. 133-138.
9. Beloff M. *The Economic Argument // Dream of Commonwealth, 1921-1942*. – London: Palgrave Macmillan UK, 1989. – P. 105-121.
10. Bond P. *Looting Africa: The Economics of Exploitation* / P. Bond, London, England: Zed Books, 2006. – 192 p.
11. Boulton J. *The Destruction of Food Resources at the Colonial Frontier // Aboriginal Children, History and Health*. – New York, NY: Routledge, 2016. – P. 150-172.
12. Chamberlain M.E. *The Scramble for Africa* / M.E. Chamberlain. – London, England: Longman, 2nd ed., 1999. – 152 p.
13. Charle E. Political Systems and Economic Performance in Some African Societies // *Economic Development and Cultural Change*. – 1970. – № 4, Part 1 (18). – P. 575-597.
14. Collins R.O., Burns J.M. *European colonial rule in Africa // A History of Sub-Saharan Africa*. – Cambridge University Press, 2013. – P. 295-307.
15. Depetris-Chauvin E., Özak Ö. *Borderline Disorder: (DE facto) Historical Ethnic Borders and Contemporary Conflict in Africa // IZA Discussion Papers*. – 2020. – No. 13736. – 98 p.
16. Ewout F., Jeffrey G., Pieter W. *An Economic Rationale for the African Scramble: The Commercial Transition and the Commodity Price Boom of 1845-1885*. – National Bureau of Economic Research, 2015. – 40 p.
17. French D. *The British Empire and the Meaning of 'Minimum Force Necessary' in Colonial Counter-insurgencies Operations, c.1857-1967*. – Cambridge University Press, 2019. – P. 46-66.
18. Gennaioli N., Rainer I. *Precolonial Centralization and Institutional Quality in Africa*. – The MIT Press, 2007. – P. 21-46.
19. Gonçalves M. *The scramble for Africa reloaded? Portugal, European colonial claims and the distribution of colonies in the 1930s // Contemporary European history*. – 2021. – № 1 (30). – P. 2-15.
20. Gottheil F. M. *On an Economic Theory of Colonialism // Journal of Economic Issues*. – 1977. – № 1 (11). – P. 83-102.
21. Guariso A. *Resource Inequality and Ethnic Conflict in Africa: New Evidence Using Rainfall Data // World Bank Blogs*. – 23.12.2015. – URL: <https://blogs.worldbank.org/impactevaluations/resource-inequality-and-ethnic-conflict-africa-new-evidence-using-rainfall-data-guest-post-andrea> (accessed: 04.01.2024).
22. Hansen P., Jonsson S. *Demographic colonialism: EU-African migration management and the legacy of Eurafrica // Globalizations*. – 2011. – № 3 (8). – P. 261-276.
23. Karmwar M. *1898 Fashoda Incident*. – A.K. PUBLICATIONS, 2016. – 110 p.
24. Kassaye Nigusie W.M., Ivkina N.V. *Post-colonial Period in the History of Africa: Development Challenges: Advances in African Economic, Social and Political Development // Africa and the Formation of the New System of International Relations* / ed.by Degterev D.A., Timothy M.S., Vasiliev A.M. – Springer, 2021. – P. 39-54.
25. Krozewski G. *Colonial Money in Africa and National Economy-building in Britain and Germany: Examining Relations of Agency, 1890s-1930s // Monetary Transitions*. – Springer International Publishing, 2022. – P. 239-263.

26. Langewiesche D. "Savage War" as "People's War": Nineteenth-century African Wars, European Perceptions, and the Future of Warfare // *The Journal of Modern History*. – 2022. – № 3 (94). – P. 537-563.
27. Leander H., James A. Colonialism and Economic Development in Africa // *National Bureau of Economic Research*, 2012. – 38 p.
28. Manning P. Review of *An Economic History of West Africa* by A.G. Hopkins // *Canadian Journal of African Studies* – 1974. – № 1 (8). – P. 177-179.
29. Michalopoulos S., Papaioannou E. The Long-Run Effects of the Scramble for Africa // *American Economic Review*. – 2016. – № 7 (106). – P. 1802-1848.
30. Michalopoulos S., Papaioannou E. The Scramble for Africa and Its Legacy / *The New Palgrave Dictionary of Economics*. – Palgrave Macmillan, 2020. – P. 1-11.
31. Mupendana P. K., Sapogov V. M. Post-colonial Law and State Trends and Challenges in Africa // *Bulletin of the Moscow State Regional University (Jurisprudence)*. – 2022. – № 2. – P.15-24.
32. Oloruntoba S.O. Regional Integration, Borders and Development in Africa // *Borders, Mobility, Regional Integration and Development*. – Springer International Publishing, 2020. – P. 25-37.
33. Ottoh F.O. Ethnic Identity and Conflicts in Africa // *The Palgrave Handbook of African Politics, Governance and Development*. – New York: Palgrave Macmillan US, 2018. – P. 335-351.
34. Palik J., Obermeier A.M., Rustad S.A. Conflict Trends in Africa, 1989-2021. – Oslo: Peace Research Institute (PRIO), 2022. – 38 p.
35. Robinson A.L. Colonial rule and its political legacies in Africa // *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. – 2019. – URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.1346>
36. Rodney W. *How Europe Underdeveloped Africa*. – London: Bogle – L'Ouverture Publications, 1972. – 312 p.
37. Rodrigues L. B. Colonialismo como laboratório: "A Batalha de Argel" e a tortura como projeto de controle político // *Em Tempo de Histórias*. – 2020. – № 37 (1). – P. 62-74.
38. Rönnbäck K., Broberg O. Capital and Colonialism in Theory // *Capital and Colonialism*. – Palgrave Macmillan, 2019. – P. 39-54.
39. Rösenthäler U. African Trade Networks and Diasporas. // *The Cambridge History of Global Migrations*. – Cambridge University Press, 2023. – P. 220-239.
40. Sanderson G.N. *The European Partition of Africa: Origins and Dynamics* // *The Cambridge History of Africa*. – Cambridge University Press, 1985. – P. 96-158.
41. Stanley L., Kenneth L. Colonialism, Inequality, and Long-Run Paths of Development // *National Bureau of Economic Research*, 2005. – 34 p.
42. Svedberg P. Colonialism and Foreign Direct Investment Profitability // *International Capital Movements*. – London: Palgrave Macmillan UK, 1982. – P. 172-194.
43. Tymowski M. The Origins and Structures of Political Institutions in Pre-Colonial Black Africa: Dynastic Monarchy, Taxes and Tributes, War and Slavery, Kinship and Territory / M. Tymowski. – Edwin Mellen Press, 2009. – 228 p.
44. van Detours L.D. Around Africa: The Connection Between Developing Colonies and Integrating Europe // *Materializing Europe: Transnational Infrastructures and the Project of Europe*. – London: Palgrave Macmillan UK, 2010. – P. 27-43.
45. Woolf L. *Empire and Commerce in Africa: A Study in Economic Imperialism*. – London: Routledge, 2021. – 398 p.

Оценка роли Германской империи в развязывании Первой мировой войны в немецких газетах (2014 г.)

Терентьев Валентин Олегович

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

2 курс

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается оценка роли Германской империи в развязывании Первой мировой войны самыми влиятельными немецкими газетами. Исследование ограничено хронологически 2014 годом, ставшим для Первой мировой войны юбилейным. Выбор хронологических рамок обусловлен повышенным вниманием общественности и СМИ к теме военного конфликта. В ходе исследования были отобраны 7 самых популярных в ФРГ газет по мнению портала Deutschland.de: Bild, die Zeit, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Frankfurter Rundschau, Süddeutsche Zeitung, die tageszeitung (taz), die Welt. В ходе анализа были изучены все газеты, за исключением Frankfurter Rundschau, что объясняется отсутствием статей на эту тему в сети. Выбор был сделан в сторону онлайн-изданий, что обусловлено их большей доступностью по сравнению с печатными изданиями. Далее эти издания были разделены по идеологической ориентации на условные «правые» и «левые» газеты. Перед рассмотрением газетных статей дается краткое описание

немецкой историографии анализируемой темы, необходимое для обозначения ключевых исторических трудов, влиявших на ход развития научного дискурса и исторической памяти немцев относительно «вины» Германии в развязывании войны. Автор уделяет особенное внимание анализу концепций Фрица Фишера и Кристофера Кларка, оказавших существенное влияние на развитие современной европейской историографии по истории Первой мировой войны. По итогам анализа статей выделены основные тенденции, наблюдаемые как у газет обоих политических лагерей, так и отдельно у каждого из них. «Правые» газеты стремятся снять ответственность с Германии за эскалацию конфликта. «Левые» газеты в свою очередь стремятся продемонстрировать ответственность Германии за начало войны. Среди общих тенденций, наблюдаемых у газет обоих политических лагерей, можно выделить апелляцию к научно-историческим исследованиям как к работам, претендующим на объективность, а также использование авторских статей, которые в общей сумме транслируют нужные каждой газете нарративы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Первая мировая война; Германская империя; ФРГ; историческая память; историография.

Assessing the Role of the German Empire in Unleashing the First World War in German Newspapers (2014)

Valentin Olegovich Terentyev

*Herzen State Pedagogical University of Russia
2nd Year*

ABSTRACT

The article examines the assessment of the German Empire's role in unleashing the First World War by the most influential German newspapers. The chronological framework of the study was 2014, which became the anniversary year for the First World War. In the course of the research, 7 most influential newspapers were selected according to the Deutschland.de portal: Bild, die Zeit, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Frankfurter Rundschau, Süddeutsche Zeitung, die tageszeitung (taz), die Welt. All newspapers were reviewed except Frankfurter Rundschau, which is due to the lack of articles on this topic online. These publishers were further divided by ideological orientation into notional "right-wing" and "left-wing" newspapers. Before examining the newspaper articles, the author briefly characterizes German historiography on the topic of World War I in order to identify key historical works that influenced the course

of scholarly discourse and the historical memory of Germans regarding German culpability in the outbreak of the war. Special attention is paid to the concept of the Australian historian Christopher Clark, who had a significant influence on the development of modern European historiography on the history of the First World War. After analysing the articles, the main tendencies observed in the newspapers of both political camps as well as separately in each of them were identified. "Right-wing" newspapers seek to absolve Germany of responsibility for the escalation of the conflict by declaring all participating countries guilty. "Left-wing" newspapers in turn seek to demonstrate Germany's responsibility for starting the war. The newspapers of both political camps tend to appeal to scientific and historical research, as well as use opinion pieces that, in total, broadcast the narratives that each newspaper needs.

KEYWORDS

World War I; German Empire; Germany; historical memory; historiography.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о роли Германской Империи в развязывании Первой мировой войны (сокращенно ПМВ) является одной из важных тем в немецкой исторической памяти, играющей немалую роль в конструировании немецкого самосознания. Ее ключевой аспект — вопрос о виновности или невиновности Германии в эскалации т.н. «Великой войны»^[1].

У данной темы есть ряд особенностей, которые необходимо учитывать при ее анализе. Во-первых, она не является популярной в немецком обществе, что обусловлено доминированием памяти о национал-социализме и отношением к нему в политическом сознании ФРГ^[2]. Во-вторых, особенностью темы, раскрывающей ее актуальность, является отсутствие единого общественного мнения относительно виновности Германской империи в начале ПМВ. Согласно социальному опросу Института социальных исследований и статистического анализа Forsa, проведенному в 2014г., 58% респондентов признают ответственность за всеми государствами, участвующими в войне, 19% приписывают главную вину кайзеру Вильгельму II и его правительству, и 9 % — другим странам^[3]. В-третьих, эта проблема тесно связана с феноменом «немецкой памяти», поскольку вопрос о роли Германии в начале войны является частью дискуссии о преемственности

между хозяйственными и политическими элитами Германии и их ответственности за установление нацистской диктатуры^[4].

Столетняя годовщина ПМВ в 2014 г. вызвала волну интереса к этой теме^[5]. Музеи крупнейших городов Германии организовывали выставки, посвященные этому событию, переиздавались книги о войне, во многих немецких СМИ развернулась бурная дискуссия относительно роли Германии в развязывании ПМВ. Данная тема стала предметом активного обсуждения только в этом году.

Актуальность статьи заключается в необходимости анализа позиции идеологизированных немецких СМИ в отношении роли Германской империи в развязывании ПМВ в ретроспективе. Современная социально-политическая ситуация в мире все больше сравнивается с ситуацией в предвоенной Европе, что накладывает на общественные ожидания (и опасения) эскалации военных конфликтов в разных частях света.

Новизна данной статьи заключается в рассмотрении вопросов исторической памяти через призму ключевых немецких СМИ, что позволяет выявить, как крупные немецкие периодические издательства интерпретируют исторические события в своих целях.

Цель исследования — выявить, как в контексте общегерманского дискурса на тему ПМВ высказывались крупнейшие немецкие СМИ, выступающие в

[1] «Великая война» – наименование Первой мировой войны, распространенное в английской и французской историографии.

[2] Кёниг Х. Будущее прошлого: национал-социализм в политическом сознании ФРГ / Х. Кёниг – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 5.

[3] Junge Deutsche wollen mehr über Ersten Weltkrieg wissen // Süddeutsche Zeitung: сайт. – 15.01.2014. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/umfrage-junge-deutsche-wollen-mehr-ueber-ersten-weltkrieg-wissen-1.1863716> (дата обращения: 22.01.2024).

[4] Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века / А.И. Борозняк. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 79.

[5] Магадеев И.Э. Между прошлым и настоящим: коммеморативные практики и тенденции развития европейской историографии: (к 100-летию Первой мировой войны) // Проблемы новейшей историографии Первой мировой войны: Первые Писаревские чтения: материалы международной научной конференции (Москва, 23 марта 2021 г.) / отв. ред. Д.Ю. Козлов. – М.: Квадрига, 2022. – С. 57-74.

роли лидеров мнений. Основные задачи: выделить наиболее влиятельные СМИ в ФРГ и классифицировать их по политическому спектру, проанализировать немецкую историографию ПМВ, рассмотреть основные нарративы, выделить тенденции в формировании мнений о причинах Первой мировой войны.

Для выполнения поставленных задач были проанализированы статьи семи самых популярных немецких газет по мнению портала Deutschland.de^[1]: *Bild*, *die Zeit*, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Frankfurter Rundschau*, *Süddeutsche Zeitung*, *die tageszeitung (taz)*, *die Welt*. Важно обозначить, что при отборе статей учитывались лишь статьи, содержащие анализ причинно-следственной связи начала ПМВ. При анализе портала газеты *Frankfurter Rundschau* статей, направленных на анализ причин развязывания Первой мировой войны, обнаружено не было, поэтому данное издание было исключено из итоговой выборки. Выбор в пользу онлайн-газет при исследовании обусловлен их доступностью: электронные газетные статьи находятся в открытом и бесплатном онлайн-доступе, в отличие от их печатного варианта. Исключением выступает газета *Frankfurter Allgemeine*, статьи которой доступны лишь по подписке.

В ходе качественного анализа учтена идеологическая ориентация изданий. А.А. Литвиненко в своей монографии, посвященной немецкой

прессе, оценивала газеты концерна Акселя Шпрингера, к которым относятся *Bild* и *die Welt*, как консервативные^[2]; *Süddeutsche Zeitung* можно характеризовать как левоцентристскую^[3]; *Frankfurter Allgemeine Zeitung* как «дрейфующую» к Христианским демократам и, соответственно, консервативную^[4]; *die tageszeitung (taz)* как газету, позиции которой близки партии Союз90/Зеленые, т.е. левую^[5]. Единственная газета, не включенная в анализ А.А. Литвиненко, — *die Zeit*. Согласно оценке И.А. Тарана, она является леволиберальной^[6].

Таким образом, газеты можно поделить на две условные категории: «правые» и «левые». К «правым» периодическим изданиям относятся газеты *Bild*, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *die Welt*. К «левой» прессе относятся издательства *Süddeutsche Zeitung*, *die tageszeitung (taz)* и *die Zeit*. Газеты обоих направлений проанализированы обособленно друг от друга для выделения частных тенденций в оценке причин Первой мировой войны.

В первой части статьи проанализирована динамика развития немецкой историографии ПМВ, что обусловлено взаимосвязью между исторической памятью по тому или иному вопросу: научно-исторические труды имеют прямое влияние на формирование и корректировку исторической памяти населения о соответствующем периоде. Затем представлены результаты исследования по «правым» и «левым» газетам.

[1] National newspapers in Germany // Deutschland.de.: сайт. – 22.04.2024. – URL: <https://www.deutschland.de/en/topic/knowledge/national-newspapers> (дата обращения: 01.03.2024).

[2] Литвиненко А.А. Газеты Германии в XXI веке: от кризиса до модернизации / А.А. Литвиненко. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. – С. 15.

[3] Там же, с. 14.

[4] Там же, с. 14.

[5] Там же, с. 15.

[6] Таран И.А. Немецкие газеты *die Zeit* и *die Welt*: специфика изданий / И.А. Таран // Журналист. Социальные коммуникации. – 2022. – №1 (45). – С. 87.

ОПИСАНИЕ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первые работы, посвященные истории «Великой войны», публиковались уже в период военного времени. Однако эти труды служили пропагандистским целям: в «войне слов» они не только оправдывали вторжение Германии в Бельгию, но и приводили исторические аргументы относительно причин войны, протекавшей далеко за пределами Германии и носившей, по мнению ученых, «оборонительный характер»^[1]. В период войны, таким образом, многие работы были направлены на снятие ответственности с Германской империи за начало военных действий.

Оценка роли Германии в развязывании ПМВ в историографии Веймарской республики полностью основывалась на положениях Версальского мирного договора (в частности, 231 статьи), в соответствии с которым Германия признавалась ответственной в развязывании войны и была вынуждена платить репарации. Соответственно, опровержение данной позиции в интеллектуальной среде поддержало бы усилия Германии по внесению поправок в мирный договор^[2]. В частности, немецкий МИД заказывал исторические труды, направленные на обоснование невиновности Германии в развязывании Первой мировой войны. Подобной работой, сделанной по заказу Министерства иностранных дел, стал сборник документов «Великая политика европейских кабинетов».

Период национал-социалистической диктатуры характеризовался продолжением тенденции к снятию ответственности с Германии за начало ПМВ. В общий нарратив невиновности интегрировались и идеологические аспекты национал-социализма, такие как принципы евгеники и расовая теория^[3]. Нарратив об ответственности за начало Первой мировой войны стал идеологическим инструментом в руках нацистов, служившим оправданием для агрессивной внешней политики^[4].

После окончания Второй мировой войны интерес к истории ПМВ отошел на второй план из-за первостепенности вопроса об ответственности немецкого населения за приход к власти нацистов и изучался не так фундаментально. В этот период впервые подвергся критике немецкий милитаризм, вопросы милитаризации экономики и роли депортации бельгийских рабочих, конфликты во внутренней политике Германии в 1917 г.^[5] Однако вопрос о роли Германии в так называемом «Июльском кризисе» историками не обсуждался.

Переломным моментом стала публикация книги Фрица Фишера «Рывок к мировому господству: Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914 – 1918 гг.» в 1961 г. В своем труде немецкий ученый выделил отдельный параграф, посвященный ответственности Германии за начало войны, в котором доказывал, что германское руководство несло «решающую долю исторической ответственности за развязывание

[1] Cornelissen C. German Historiography on World War I, 1914–2019 / C. Cornelissen, A. Weinrich // Writing the Great War: The Historiography of World War I from 1918 to the Present / ed. by C. Cornelissen, A. Weinrich. – New York: Berghahn Books, 2021. – P. 154.

[2] Ibid, p. 155.

[3] Ibid, p. 159.

[4] Ibid, p. 160.

[5] Cornelissen C. German Historiography on World War I, 1914–2019 / C. Cornelissen, A. Weinrich // Writing the Great War: The Historiography of World War I from 1918 to the Present / ed. by C. Cornelissen, A. Weinrich. – New York: Berghahn Books, 2021. – P. 161

всеобщей войны»^[1]. Фишер писал, что начиная с 1890-х гг. Германия осуществляла на практике политическую концепцию *Weltpolitik* («мировой политики»), целью которой было расширить зону немецкого влияния в мире, а главным инструментом ее достижения являлся флот, необходимый для участия в борьбе за гегемонию^[2]. Эту политическую концепцию Фишер связывал с началом ПМВ. По мнению историков Кристофа Корнелиссена и Арндта Вайнриха, Фишер «положил конец преобладанию немецко-национальной апологии» в историографии^[3]. Тезисы его книги вызвали бурную дискуссию в ФРГ, в которой позднее принимали участие и высокопоставленные лица (министр иностранных дел Герхард Шредер и канцлер Людвиг Эрхард), тем самым переводя дискурс в политическую плоскость. Книга Фишера задала новый вектор развития вопроса о вине Германской империи в развязывании войны, изменив весь мейнстримный дискурс, сформированный до этого в немецкой историографии. Ранее в истории Германии приход к власти национал-социалистов и развязывание ими Второй мировой войны объясняли экономическим кризисом. Теперь же в большей степени стала рассматриваться долгосрочная преемственность немецкой истории от рейха Бисмарка до Третьего рейха.

В период 1980-х – 1990-х гг. тезис Фишера не поддавался переоценке, а лишь дополнялся. Необходимо выделить исследования Вольфганга

Моммезна, который в своем эссе «Топос неизбежной войны в Германии за десятилетие до 1914 г.» продемонстрировал, как общественный дискурс накануне ПМВ привел к тому, что руководство Германской империи с растущим пессимизмом смотрело на свои перспективы избежать войны в долгосрочной перспективе^[4]. Данный нарратив был направлен, в первую очередь, на обвинение немецких политических элит в эскалации войны.

В опубликованном в 2021 г. исследовании, посвященном немецкой историографии ПМВ, историки Кристофер Корнелиссен и Арндт Вайнрих отмечали некоторые тенденции в историографии 2000-х гг. Во-первых, большинство работ, выпущенных в указанный период, поднимали вопрос о виновности Германии в эскалации конфликта; во-вторых, труды по истории ПМВ развивали такие классические темы, как политическая история и история международных отношений; в-третьих, с 2000-х гг. наблюдается усиление ревизионизма относительно роли Германии в начале войны. Были выпущены работы, в которых ответственность за начало войны «перекладывалась» на другую страну. Так, в 1999 г. была опубликована работа Нила Фергюсона «Горечь войны», в которой автор выделял Великобританию как виновницу в развязывании Первой мировой войны. Однако его книга была настороженно воспринята немецким историческим сообществом.

[1] Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914 – 1918 гг. / Ф. Фишер. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 105.

[2] Там же, с. 28.

[3] Cornelissen C. German Historiography on World War I, 1914–2019 / C. Cornelissen, A. Weinrich // *Writing the Great War: The Historiography of World War I from 1918 to the Present* / ed. by C. Cornelissen, A. Weinrich. – New York: Berghahn Books, 2021. – P. 162.

[4] Mommsen J.W. Der Topos vom unvermeidlichen Krieg: Außenpolitik und öffentliche Meinung im Deutschen Reich im letzten Jahrzehnt vor 1914 / J.W. Mommsen // Mommsen J.W. Der autoritäre Nationalstaat. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1990. – S. 380–406.

Историк Йост Дюльффер отмечал «абсурдность» некоторых тезисов Фергюсона^[1].

Отчетливо ревизионизм наблюдается в работах, опубликованных в первой половине 2010-х гг. Среди них необходимо выделить труд Кристофера Кларка «Сомнамбулы: как Европа пришла к войне в 1914 году»^[2], переведенная на русский язык в 2023 г. Труд Кларка оказал существенное влияние на общее мировое развитие историографии, посвященной ПМВ, став при этом бестселлером. В своей книге Кларк выдвигает концепцию, согласно которой европейские политики являлись «лунатиками», слепо следовавшими исключительно своим интересам без учета долгосрочных последствий принятых политических решений и возможности компромисса. На этом фоне Кларк приходит к выводу, что война была «плодом общей политической культуры»^[3], а немецкие политики «не были единственными империалистами и не единственными, кто поддался паранойе»^[4]. Среди немецких работ, оказавших влияние на общественную дискуссию в честь столетия начала Первой мировой войны, можно назвать работу Херфрида Мюнклера «Великая война. Мир в 1914 – 1918 гг.». В ней он излагает схожую с концепцией Кларка идею, согласно которой выделить единственного виновника войны проблематично: «Эпоха односторонних черно-белых рисунков в исследованиях причин Первой мировой войны закончилась [...] В результате четкие ответы стали так же невозможны, как и однозначное приписывание вины. Это затрудняет «извлечение уро-

ков» из мировой войны, поскольку она стала более сложной и дифференцированной»^[5].

Таким образом, начиная с начала Первой мировой войны вплоть до падения Третьего рейха, в немецкой историографии господствовал тезис о невинности Германии за начало войны. Изменения наметились в первые послевоенные десятилетия, когда немецкий милитаризм со всеми его последствиями подвергался критике. Переломным моментом стала публикация работы Фрица Фишера, которая, несмотря на некоторые корректировки, сохраняла господствующее положение вплоть до 2000-х гг. Последние 20 лет наблюдается ревизионистская тенденция, направленная на переосмысление ключевого тезиса Фишера. Особенно примечательны в этой связи работы, опубликованные в первой половине 2010-х гг.

АНАЛИЗ ГАЗЕТ ПРАВОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

При анализе статей газет *Frankfurter Allgemeine, die Welt* и *Bild* выявлено стремление к снятию ответственности с Германии за развязывание войны. Эта тенденция объясняется намерением избавиться от «немецкой вины», свойственная правым движениям в ФРГ в целом, частью которой является дискурс о вине Германии в развязывании ПМВ^[6]. Исключением является газета *Frankfurter Allgemeine*, в которой авторы признают ключевую роль Германии в начале ПМВ.

[1] Dülffer J. Review of Der falsche Krieg. Der Erste Weltkrieg und das 20. Jahrhundert, by Niall Ferguson, Klaus Kochmann / Dülffer J. // Die Friedens-Warte. – 1999. – №3(74). – P. 419.

[2] Кларк К. Сомнамбулы: Как Европа пришла к войне в 1914 году / К. Кларк. – М.: Издательство Института Гайдара, 2023. – 696 с.

[3] Clark C. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914 / C. Clark. – London: Penguin Books, 2012. – P. 561.

[4] Ibid.

[5] Munkler H. Der Grosse Krieg. Die Welt 1914 – 1918 / H. Munkler. – Berlin: Rowohlt Berlin, 2013. – S. 784-785.

[6] Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века / А.И. Борозняк. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 225.

Авторы *die Welt* особенно часто апеллируют к книге Кларка. 9 января 2014 г. в газете вышла статья совместного авторства Томаса Килингера и Флориана Старка, критикующих министра образования от Консервативной партии Великобритании Майкла Гоува за его обвинения в сторону Германии за развязывание войны. В ответ на обвинение авторы статьи обратились к исследованию Кларка: «Но Гоува вообще не интересуют исторические нюансы. [...] Потому что комплексный анализ ее происхождения, представленный кембриджским историком Кристофером Кларком в его международном бестселлере «Лунатики», не подходит в качестве учебного материала для обучения патриотизму или для изображения величия Британии. Именно это волнует министра больше всего»^[1]. При оценке книги «14 – Великая война» профессора новейшего времени Свободного университета Берлина Оливера Янца историк Бертольд Зевальд также обращался к нарративу Кларка как «немецкому господствующему нарративу»^[2] и критиковал Янца за отсутствие учета мнения Кларка, что можно трактовать как несогласие с позициями, противоречащими тезису об общей вине за начало войны. В статье о причинах, по которым Первая мировая война является актуальной для немецкого общества темой, автор статьи Филипп

Обергаснер транслировал нарратив Кларка^[3].

При анализе статей газеты *Bild* обнаружено, что их авторы также апеллируют к историческим трудам. В частности, *Bild* также ссылается на труд Кларка при объяснении причин начала войны^[4]. Однако в отличие от *die Welt*, авторы *Bild* шире апеллируют к мнениям других историков. В статье «Первая мировая война в картинках» журналы ссылались на мнение исследователя Гвидо Кноппа, утверждающего, что роль Германии можно оценить как «соучастие», а тезис о том, что ответственность несет исключительно империя, опровергнут^[5]. 11 мая 2014 г. немецкий журналист Ханс-Йорг Фелевалд взял интервью у историка Йорга Фридриха. В ходе диалога ученый высказал мнение, что Германия «не отличилась больше других своими зверствами в Первой мировой войне»^[6].

Единственной «правой» газетой, не разделяющей общей тенденции, является *Frankfurter Allgemeine*. Статьям данной газеты свойственно признание роли Германии в начале войны. В одной из статей историк Генрих Август Винклер критиковал тезисы Кларка и Мюнклера за «исключение внутривнутриполитической предыстории пути Германии к Первой мировой войне», и утверждал, что Германская империя была самой милитаризованной страной Европы

[1] Britischer Minister gibt Deutschen die Kriegsschuld // Die Welt: сайт. – 09.01.2014. – URL: <https://www.welt.de/geschichte/article123683306/Britischer-Minister-gibt-Deutschen-die-Kriegsschuld.html> (дата обращения: 07.02.2022).

[2] Warum der Erste Weltkrieg ein Weltkrieg war // Die Welt: сайт. – 26.10.2014. – URL: <https://www.welt.de/geschichte/article133611534/Warum-der-Erste-Weltkrieg-ein-Weltkrieg-war.html> (дата обращения: 10.02.2022).

[3] Warum uns 1914 bis heute beschäftigt // Die Welt: сайт. – 23.11.2014. – URL: <https://www.welt.de/kultur/literarischewelt/article128507030/Warum-uns-1914-bis-heute-beschaeftigt.html> (дата обращения: 02.02.2022).

[4] Traurig. Grausam. Bizarr: 100 Fakten zum 1. Weltkrieg // Bild: сайт. – 21.01.2014. – URL: <https://www.bild.de/politik/inland/erster-weltkrieg/der-erste-weltkrieg-in-100-traurigen-skurriren-grausamen-fakten-34114264.bild.html> (дата обращения: 02.02.2022).

[5] Der Erste Weltkrieg in Bildern // Bild: сайт. – 01.12.2013. – URL: <https://www.bild.de/news/inland/erster-weltkrieg/der-erste-weltkrieg-in-bildern-33616018.bild.html> (дата обращения: 04.02.2022).

[6] Wieso Deutschland den Ersten Weltkrieg verloren hat // Bild: сайт. – 11.05.2014. – URL: <https://www.bild.de/politik/inland/historiker-joerg-friedrich-ueber-den-ersten-weltkrieg-und-wieso-deutschland-ihn-verloren-hat-5d4b4d261e148b000173c823> (дата обращения: 03.02.2022).

к моменту начала войны^[1]. В другой статье, представляющей рецензию на книгу Шона МакМикина «Июль 1914 года. Обратный отсчет до войны», утверждалось, что ответственность в развязывании войны заключается в том, что Германская империя «безгранично» поддерживала Австро-Венгерскую, что сделало возможным эскалацию балканского кризиса. Таким образом, Германия была «прикована» к венской политике, не имея возможности ее контролировать^[2]. В еще одной статье освещалась церемония почтения памяти погибшим у мемориала союзников в Льеже при участии короля Филиппа и федерального президента Йоахима Гаука. В работе раскрыты вопросы военных преступлений немецкой армии в Бельгии, совершенных в 1914 г. В своей речи президент ФРГ акцентировал внимание на исторической ответственности Германии за вторжение в Бельгию^[3].

Можно наблюдать, что стремление снять ответственность за роль Германии в развязывании ПМВ реализуется через апелляцию к мнению ученых как к авторитетному источнику. Наиболее популярным историком в этой связи является Кристофер Кларк, что объясняется, в частности, «удобностью» его тезиса для правых партий, стремящихся снять ответственность с Германии. Интересен также прием, которые используют журналисты газеты *Bild*. Они берут интервью у историков, транслирующих нужные им нарративы. Что касается «аномалии» — позиции

газеты *Frankfurter Allgemeine* — можно предположить, что поддержка авторами тезиса о виновности Германии в эскалации войны объясняется тем, что данная газета является наиболее распространенной за границей. Поэтому, авторы газеты транслируют нарративы, необходимые для поддержания имиджа ФРГ на европейской политической арене как страны, прошедшей покаяние за «немецкую вину».

АНАЛИЗ ГАЗЕТ ЛЕВОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Среди статьи левой идеологической ориентации наблюдается обратная тенденция, направленная на признание ключевой роли Германии в эскалации ПМВ. Этому мнению придерживаются газеты *die tageszeitung* и *Süddeutsche Zeitung*. В свою очередь, такая принципиальная позиция газет обуславливается общей тенденцией левых партий и организаций к подчеркиванию «немецкой вины» и ее культивированию^[4].

Больше всего внимания этой теме уделяли авторы *Die tageszeitung*. В статьях газеты наблюдается резкая критика тезисов упомянутого выше историка Кларка. Авторы статей сходятся во мнении, что Германская империя стремилась нанести существенный удар по позициям европейских стран и изменить баланс сил в Европе в свою пользу. Так, в одной из статей

[1] Die Kontinuität der Kriegspartei // *Frankfurter Allgemeine*: сайт. – 25.08.2014. – URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/deutsche-politik-vor-den-weltkriegen-13114532.html> (дата обращения: 09.03.2024). – Режим доступа: по подписке.

[2] Berlins unbefristete Rückendeckung für Wien // *Frankfurter Allgemeine*: сайт. – 12.08.2014. – URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/politische-buecher/sean-mcmeekin-veroeffentlicht-buch-ueber-den-ersten-weltkrieg-13093540.html> (дата обращения: 02.02.2024). – Режим доступа: по подписке.

[3] Auf den Schlachtfeldern Belgiens // *Frankfurter Allgemeine*: сайт. – 04.08.2014. – URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/der-erste-weltkrieg/gedenken-an-ersten-weltkrieg-auf-den-schlachtfeldern-belgiens-13080793.html> (дата обращения: 04.01.2024). – Режим доступа: по подписке.

[4] Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века / А.И. Борозняк. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 92, 104, 127.

Анника Момбауэр утверждала, что тезисы о «размытии» ответственности Германии и Австро-Венгрии можно опровергнуть благодаря современным источникам^[1]. В статье, посвященной выставке в Немецком историческом музее Берлина по Первой мировой войне, редактор газеты Ульрих Гутмайр критиковал тезисы Кларка, утверждая, что «в отличие от своих противников войны, которые пытались сохранить статус-кво, империя была полна решимости изменить баланс сил»^[2]. Схожее мнение высказал другой редактор газеты, Герд Крумейх. Он частично разделял тезисы Кларка, считая, что все страны были вовлечены в эскалацию войны, однако, по мнению автора, именно Германия «вытащила детонатор» и спровоцировала начало конфликта^[3].

В этой же газете наблюдается и второй нарратив, выраженный в обвинении социал-демократов начала XX в. в развязывании мировой войны. Так, один из разделов в статье, посвященной участию левого движения в войне, носит название «Предательство социал-демократов». Автор Марко Д'Эрамо утверждает, что социалистические партии «проголосовали за военные кредиты и заявили своим сторонникам, что их долг — стрелять в пролетариев вражеского государства»^[4]. Статья Стефана Райнеке из корреспондентского бюро парламента передает схожий смысл: автор считает, что СДПГ поддержала начало Первой мировой войны из-за

стремления «защитить свою страну от царизма», имея в виду Россию^[5].

В газете *Süddeutsche Zeitung* не уделено так много внимания ПМВ: в ходе исследования были обнаружены только две статьи на эту тему. В одной из них Джон К. Г. Рель видел в Германии основную виновницу войны. В частности, он объяснял милитаризацию тем, что Вильгельм II был «увлечен идеями божественной благодати и фридриховским мифом о постоянно растущей экспансии прусской военной монархии»^[6]. В конце 2014 г. была выпущена статья, подводящая итоги мероприятий и дискуссией, посвященных столетнему юбилею начала войны. В ней автор статьи Хубер Ветцель писал, что несмотря на переоценку роли Германии в развязывании войны, продолжение «убийств и гибели из года в год» было на ответственности немцев^[7].

Газета *Zeit Online* выпустила всего одну статью-эссе на эту тему. В ней автор не касается вопроса вины Германии напрямую. Однако, анализируя отсутствие оппозиционных мнений после выхода книги Кларка, он приходит к интересному мнению: отсутствие значительной оппозиции тезису Кларка объясняется не «выражением усиливающегося немецкого национализма», а взрослением поколения историков, для которых «не 1918 или 1945 г., а 1989 г. был биографически определяющим историческим поворотным моментом XX века»,

[1] Die Tragik des Moments // Die Tageszeitung: сайт. – 01.07.2014. – URL: <https://taz.de/Franz-Ferdinand-und-Europas-Politik-1914/!5038743/> (дата обращения: 13.02.2024).

[2] „El Dschihad“ und die Einarm-Fibel // Die Tageszeitung: сайт. – 05.06.2014. – URL: <https://taz.de/Ausstellung-in-Berlin/!5040874/> (дата обращения: 13.02.2024).

[3] Die Sehnsucht, unschuldig zu sein // Die Tageszeitung: сайт. – 27.03.2014. – URL: <https://taz.de/Deutsche-Verantwortung-fuer-den-1-WK/!5045518/> (дата обращения: 13.02.2024).

[4] Das letzte Gefecht // Die Tageszeitung: сайт. – 16.09.2014. – URL: <https://taz.de/Essay-Proletarischer-Internationalismus/!5033344/> (дата обращения: 13.02.2024).

[5] Hundert Jahre im Bruderkrieg // Die Tageszeitung: сайт. – 28.03.2014. – URL: <https://taz.de/Die-Folgen-der-Kriegskredite-der-SPD/!5045544/> (дата обращения: 13.02.2024).

[6] Wie Deutschland 1914 den Krieg plante // Süddeutsche Zeitung: сайт. – 05.03.2014. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/kaiser-wilhelm-weltkrieg-1.1903963> (дата обращения: 30.05.2024).

[7] Europas Glück // Süddeutsche Zeitung: сайт. – 14.12.2014. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/weltkriegsgedenken-2014-europas-glueck-1.2264303> (дата обращения: 25.05.2024).

и поэтому они рассматривают события ПМВ «более трезвым образом, чем их предшественники»^[1]. Эту позицию можно трактовать как нейтральную, поскольку авторы не дают оценочных суждений относительно причин Первой мировой войны, но предлагают объяснение, раскрывающее смену парадигм по отношению исторической памяти ФРГ.

В отличие от «правых» газет, газеты левой идеологической ориентации не стремятся к использованию научных трудов для подтверждения своей точки зрения. Во многом их риторика направлена на полемику с тезисами К. Кларка. Однако ощущается существенное влияние исторических нарративов 1960-х-1990-х гг., а именно тезисов Фрица Фишера, к которым апеллирует большинство авторов, и Вольфганга Моммзена, к которым обращается газета *Süddeutsche Zeitung*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Газеты «правой» направленности стремятся снять ответственность с Германии за развязывание Первой мировой войны, когда же «левая» пресса демонстрирует обратную тенденцию, а именно к признанию Германской империи ключевой виновницей в эскалации конфликта. Тенденции продиктованы подходом обеих лагерей к вопросу о «немецкой вине», частью которой является вопрос о роли Германии в начале ПМВ.

Можно также выявить некоторые общие подходы исследованных изданий. Большинство проанализированных газет (за исключением *Bild* и *die Zeit*) предлагают читателям авторские статьи, транслирующие выгодные для своего политического лагеря нарративы. Скорее всего, сами газеты избирали для

публикации лишь те статьи, нарративы которых соответствовали их политической повестке. Однако не исключен альтернативный вариант — когда сами авторы направляли свои статьи в газетные издательства, чья повестка схожа с их политическими взглядами.

Среди всех газет наблюдается прямое или косвенное влияние немецких историографических нарративов. Так, «правые» газеты обращаются к мнению Кристофера Кларка, когда же среди «левых» газет ощущается влияние Фрица Фишера и Вольфганга Моммзена. Это свидетельствует о значительной роли научных трудов в общественных дискуссиях на исторические вопросы, однако демонстрирует ангажированность выбора позиций исследователей, которые приводятся для подтверждения тезисов редакции.

Стоит также отметить, что среди материалов проанализированной прессы лишь газеты правой идеологической ориентации укладываются в общую линию пересмотра отношений к причинам ПМВ. Однако, с оговоркой, что позиция К. Кларка и прочих современных исследователей «Великой войны» оказывается выгодной для правого лагеря, стремящегося избавиться от «немецкой вины».

В заключение необходимо обозначить ограниченность исследования, поскольку в статье рассматривается отражение причин ПМВ немецкими газетами в статичном состоянии, концентрируя внимание на 2014 г. Дальнейшие исследования в данной области предполагают рассмотрение этого вопроса в динамике, а также с добавлением детализации, выраженной в раскрытии контекста взглядов редакции анализируемых немецких газет, а также общего контекста эпохи.

[1] Die große Verwüstung // Zeit Online: сайт. – 28.07.2014. – URL: <https://www.zeit.de/zeit-geschichte/2014/01/erster-weltkrieg-essay> (дата обращения: 21.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века / А.И. Борозняк. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 351 с.
2. Литвиненко А.А. Газеты Германии в XXI веке: от кризиса до модернизации / А.А. Литвиненко. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. – 171 с.
3. Кёниг Х. Будущее прошлого: национал-социализм в политическом сознании ФРГ / Х. Кёниг. – М.: РОССПЭН, 2012. – 164 с.
4. Кларк К. Сомнамбулы: Как Европа пришла к войне в 1914 году / К. Кларк. – М.: Издательство Института Гайдара, 2023. – 696 с.
5. Магадеев И.Э. Между прошлым и настоящим: коммеморативные практики и тенденции развития европейской историографии: (к 100-летию Первой мировой войны) // Проблемы новейшей историографии Первой мировой войны: Первые Писаревские чтения: материалы международной научной конференции (Москва, 23 марта 2021 г.) / отв. ред. Д.Ю. Козлов. – М.: Квадрига, 2022. – С. 57-74.
6. Таран И.А. Немецкие газеты *die Zeit* и *die Welt*: специфика изданий. / И.А. Таран. // Журналист. Социальные коммуникации. – 2022. – №1 (45). – С. 82-91.
7. Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914 – 1918 гг. / Ф. Фишер. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 677 с.
8. Clark C. *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914* / C. Clark. – London: Penguin Books, 2012. – 696 p.
9. Cornelissen C. *German Historiography on World War I, 1914–2019* / C. Cornelissen, A. Weinrich // *Writing the Great War: The Historiography of World War I from 1918 to the Present* / ed. by C. Cornelissen, A. Weinrich. – New York: Berghahn Books, 2021. – P. 147-191.
10. Dülffer J. Review of *Der falsche Krieg. Der Erste Weltkrieg und das 20. Jahrhundert*, by Niall Ferguson, Klaus Kochmann / Dülffer J. // *Die Friedens-Warte*. – 1999. – №3(74). – P. 419-421.
11. Mommsen J.W. *Der Topos vom unvermeidlichen Krieg: Außenpolitik und öffentliche Meinung im Deutschen Reich im letzten Jahrzehnt vor 1914* / J.W. Mommsen // Mommsen J.W. *Der autoritäre Nationalstaat*. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1990. – S. 380-406.
12. Münkler H. *Der Grosse Krieg. Die Welt 1914 – 1918* / H. Münkler. – Berlin: Rowohlt Berlin, 2013. – 928 s.

REFERENCES

1. Boroznyak A.I. ZHestokaya pamyat'. Nacistskij rejh v vospriyatii nemcev vtoroj poloviny HKH i nachala HKHI veka [Cruel Memory. The Nazi Reich as Perceived by Germans in the Second Half of the 20th and Early 21st Century] / A.I. Boroznyak. – Moskva: Politicheskaya enciklopediya [The Political Encyclopedia], 2014. – 351 p.
2. Clark C. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. – London: Penguin Books, 2012. – 696 p.
3. Cornelissen C. German Historiography on World War I, 1914–2019 / C. Cornelissen, A. Weinrich // Writing the Great War: The Historiography of World War I from 1918 to the Present / ed. by C. Cornelissen, A. Weinrich. – New York: Berghahn Books, 2021. – P. 147-191.
4. Dülffer J. Review of Der falsche Krieg. Der Erste Weltkrieg und das 20. Jahrhundert, by Niall Ferguson, Klaus Kochmann / Dülffer J. // Die Friedens-Warte. – 1999. – №3(74). – P. 419-421.
5. Fisher F. Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennyh celej kajzerovskoj Germanii v 1914 – 1918 gg. [A Dash for World Domination. The Policy of Military Goals of Kaiser's Germany in 1914–1918] / F. Fisher. – M.: Politicheskaya enciklopediya [The Political Encyclopedia], 2017. – 677 p.
6. Kyonig H. Budushchee proshlogo: nacional-socializm v politicheskom soznanii FRG [The Future of the Past: National Socialism in the Political Consciousness of the Federal Republic of Germany] / H. Kyonig. – M.: ROSSPEN, 2012. – 164 p.
7. Klark K. Somnambuly: Kak Evropa prishla k vojne v 1914 godu [Sleepwalkers: How Europe Came to War in 1914] / K. Klark. – M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara [Gaidar Institute Publishing House], 2023. – 696 p.
8. Litvinenko A.A. Gazety Germanii v XXI veke: ot krizisa do modernizacii [German Newspapers in the 21st Century: From Crisis to Modernization] / A.A. Litvinenko. – M.: Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK [The Association of Scientific Publications of the KMK], 2011. – 171 p.
9. Magadeev I.E. Mezhdunarodnyy i nastojashhim: kommemorativnye praktiki i tendencii razvitiya evropejskoj istoriografii: (k 100-letiju Pervoj mirovoj vojny) [Between the Past and the Present: Commemorative Practices and Trends of European Historiography] // Problemy novejshej istoriografii Pervoj mirovoj vojny: Pervye Pisarevskie chtenija: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 23 marta 2021 g.) [Issues of Contemporary Historiography of World War I: the 1st Pisarev Readings – Conference Proceedings (Moscow, 23 March, 2021)] / ed. by D.Yu. Kozlov. – M.: Kvadriga, 2022. – P. 57-74.
10. Mommsen J.W. Der Topos vom unvermeidlichen Krieg: Außenpolitik und öffentliche Meinung im Deutschen Reich im letzten Jahrzehnt vor 1914 / J.W. Mommsen // Mommsen J.W. Der autoritäre Nationalstaat. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1990. – S. 380-406.
11. Münkler H. Der Grosse Krieg. Die Welt 1914 – 1918 / H. Münkler. – Berlin: Rowohlt Berlin, 2013. – 928 p.
12. Taran I.A. Nemeckie gazety die Zeit i die Welt: specifika izdanij [German Newspapers die Zeit and die Welt: the Issues Specificity] / I.A. Taran // Zhurnal. Social'nye kommunikacii [Journalist. Social communications]. – 2022. – №1 (45). – P. 82-91.

Британо-американское ядерное сотрудничество и альянс AUKUS в контексте проблемы ядерного нераспространения

Александрова Анна Сергеевна

МГИМО МИД России

Факультет международных отношений, 4 курс

Научный руководитель: к.п.н. доцент Александров Олег Борисович,

Кафедра международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблеме сотрудничества США, Великобритании и Австралии в ядерной сфере. Актуальность темы обусловлена ростом количества угроз международному режиму нераспространения ядерного оружия, которые исходят не только от неофициальных ядерных держав, но и от официальных. Особое внимание уделено рассмотрению эволюции форм взаимодействия государств со времен начала «холодной войны», что объясняется важностью этапа в формировании основных принципов сотрудничества стран в ядерном измерении. Помимо этого, определено место альянса AUKUS в западной архитектуре безопасности, охарактеризованы угрозы, которые заключение соглашения несет для режима ядерного нераспространения. Рассмотрение обеих тем — британо-американского ядерного взаимодействия в XX веке и современного сотрудничества в рамках AUKUS — позволит определить трансформацию подходов англосаксонских стран по отношению к передаче ядерных технологий другим странам. В связи с этим в основе методологии, используемой автором, лежит историко-генетический подход. Автором отмечено, что во второй

половине XX века США создали механизм передачи ядерных материалов и информации в области атома другой ядерной державе — Великобритании, и с тех пор британские силы ядерного сдерживания находятся в зависимости от партнера. В настоящее время связь в этой области укрепляется, показателем чего является решение о бессрочном продлении Договора о взаимной обороне 1958 г. В 20-х годах XXI века с созданием альянса AUKUS более ярким участником англосаксонского сотрудничества в ядерной сфере стала Австралия. Идет работа над созданием нового механизма по передаче ей — стране, не обладающей ядерным оружием — атомных подводных лодок на ядерном топливе, не предполагающих размещения на них ядерных взрывных устройств. Таким образом, сделан вывод о том, что сотрудничество англосаксонских стран в данной области сопровождается созданием опасного для режима нераспространения ядерного оружия прецедента, а также создает риски распространения практики среди других игроков и дискредитации существующих международных институтов, прежде всего МАГАТЭ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

AUKUS; ядерное нераспространение; США; Великобритания; Австралия.

Для связи с автором: aleksanna.aleksanna@gmail.com

ВЫПУСК №2(16) АПРЕЛЬ-ИЮНЬ 2024

The UK-US Nuclear Cooperation and AUKUS Within the Context of Nuclear Non-Proliferation

Anna S. Aleksandrova

MGIMO University

Faculty of International Relations, 4th Year

Research supervisor: PhD in Politics Oleg B. Alexandrov,

Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University

ABSTRACT

The article is devoted to the nuclear cooperation between the United States, Great Britain and Australia. The topic is of high relevance due to the growing number of threats to the international non-proliferation regime coming from official nuclear-armed states as well as from unofficial ones. Special attention is paid to the evolution of interaction forms between states since the beginning of the Cold War when the basic principles of interstate nuclear cooperation were shaped. The article determines the AUKUS role in the Western security architecture and describes the threats posed by the agreement to the nuclear nonproliferation regime. Consideration of both topics – British-American nuclear cooperation in the 20th century and modern cooperation within AUKUS – within the study are helpful to determine the transformation of the Anglo-Saxon countries' approaches to the nuclear technology transfer to other countries. The methodology of the research relies on the historical and genetic approach.

The author notes that in the second half of the 20th century the US created a mechanism for transferring nuclear materials and information to another nuclear power, the UK. Since then, the British nuclear deterrent forces have been dependent on the partner. Currently, communication in this area is strengthening, as the decision to indefinitely extend the 1958 Mutual Defense Treaty shows. In 2020s, with the creation of the AUKUS alliance, Australia became a more prominent participant in Anglo-Saxon cooperation in the nuclear field. A new legal mechanism for transferring nuclear submarines (without nuclear explosive devices) from a nuclear-armed state to a non-nuclear-weapon country is being designed. The article concludes that the present-day cooperation between Anglo-Saxon countries in the nuclear field creates a dangerous precedent threatening the nuclear nonproliferation regime and engenders risks of spreading the practice worldwide, thus undermining existing international institutions, primarily the IAEA.

KEYWORDS

AUKUS; nuclear non-proliferation; the USA; Great Britain; Australia.

В условиях глобальной турбулентности, которой характеризуется миропорядок на современном этапе, растет количество угроз международной безопасности. В частности, целый ряд вызовов стоит перед режимом ядерного нераспространения, что связано не только с активностью неофициальных ядерных держав, но и с действиями участников «ядерного клуба», увеличивающих риск получения доступа к этому виду оружия другими странами. Например, на фоне противостояния России и Запада, а также США и Китая англосаксонские страны, Великобритания и США, следуют курсу на углубление ядерного взаимодействия. В 2021 г. ими, а также Австралией, был образован блок AUKUS, предполагающий передачу атомных подводных лодок. В СМИ появляются сообщения о возможном расширении альянса^[1]. Более того, в сентябре 2024 г. стало известно^[2] о бессрочном продлении Договора о взаимной обороне между США и Великобританией 1958 г. В связи с этим имеет смысл обратиться к изучению вопроса, в том числе и в ретроспективе, более подробно.

Цель данной работы — определить проблемные для режима ядерного нераспространения аспекты сотрудничества англосаксонских стран — США, Великобритании и Австралии. Для ее достижения в исследовании была вы-

явлена роль ядерного взаимодействия держав во времена «холодной войны» в эволюции «особых отношений» США и Великобритании, определено место альянса AUKUS в западной архитектуре безопасности, охарактеризованы угрозы, которые заключение соглашения несет для режима ядерного нераспространения.

Англо-американское сотрудничество в области атомного оружия часто вызывает у исследователей интерес как ключевой аспект «особых отношений»^[3]. Знания о ядерном измерении «особых отношений» США и Великобритании систематизировали Дж. Симпсон^[4], написавший главу в монографии «Англо-американские отношения: взгляд из наших дней», а также К. Миллс^[5], посвятивший работу Договору о взаимной обороне 1958 г. Автор фундаментального труда^[6] по теме английского ядерного оружия является отечественный англовед академик В.Г. Трухановский, который также входил в Постоянный комитет Пагуошского движения, объединяющего наиболее авторитетных ученых в области разоружения со всего мира. Что касается феномена альянса AUKUS, то экспертное сообщество в основном интересуется вопросами его значимости для архитектуры безопасности мира^[7],

[1] Australia Downplays Japan's Role in AUKUS, Says No Plans to Add Member to Defence Pact // Reuters: website. – 08.04.2024. – URL: <https://www.reuters.com/world/australia-pm-says-there-are-no-plans-expand-aukus-core-members-2024-04-08/> (дата обращения: 11.08.2024).

[2] US and UK Plan Indefinite Extension of Nuclear Weapons Cooperation Pact // Financial Times: website. – 03.09.2024. – URL: <https://www.ft.com/content/2ebca48f-e0bc-4c54-b126-244070c2cd96> (дата обращения: 04.09.2024).

[3] Marsh S. The Anglo-American defence relationship // Anglo-American Relation: Contemporary perspectives / Ed. By A.P. Dobson, S. Marsh. London, 2013. – P. 179.

[4] Simpson J. The US-UK Special Relationship: The Nuclear Dimension / J. Simpson // Anglo-American Relation: Contemporary perspectives / Ed. By A.P. Dobson, S. Marsh. – London: Routledge, 2013. – P. 241-262.

[5] Mills C. UK-US Mutual Defence Agreement / C. Mills // House of Commons Library: website. – 2014. – URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/sn03147/> (дата обращения: 29.08.2024).

[6] Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие: Историко-политический аспект / В.Г. Трухановский. – М.: Международные отношения, 1985. – 228 с.

[7] Ермаков С.М. Влияние AUKUS на систему международной безопасности / С.М. Ермаков // Проблемы национальной стратегии. – 2022. – №1. – С. 130-152.

Азиатско-Тихоокеанского региона^[1], а также южной его части^[2].

Рассмотрение обеих тем — британско-американского ядерного взаимодействия в XX веке и современного сотрудничества в рамках AUKUS — в рамках одного исследования позволит определить трансформацию подходов англосаксонских стран по отношению к передаче ядерных технологий другим странам. В связи с этим в основе методологии, используемой автором, лежит историко-генетический подход. В соответствии с ним хронологические рамки исследования не были ограничены современным этапом, а включили в себя и период «холодной войны», поскольку именно во вторую половину XX века были заложены основы сотрудничества Соединенных Штатов и Соединенного Королевства в области атома, принята нормативно-правовая база, действующая и по сей день.

РЕТРОСПЕКТИВА ЯДЕРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

По результатам Второй мировой войны установилась новая система международных отношений, в которой позиции США и Великобритании изменились. Соединенные Штаты, главный выгодоприобретатель от войны, окончательно закрепили за собой место лидера капиталистического мира, в то время как положение Великобритании, обремененной долговыми обязательствами перед США и необратимо терявшей часть былой империи, становилось все более подчиненным по

отношению к своей бывшей колонии. Неутешительная динамика характеризовала и личные отношения между лидерами — президент США Г. Трумэн и премьер-министр Великобритании К. Эттли не смогли сохранить уровень тех доверительных отношений, который был достигнут их предшественниками Рузвельтом и Черчиллем. Однако это не смогло помешать развитию двустороннего сотрудничества — британцы сознательно шли на увеличение зависимости от заокеанского партнера, рассматривая его помощь как способ решить внутренние проблемы, а США не могли отрицать значимость Великобритании в дипломатическом («мост между Европой и Америкой») и военном («непотопляемый авианосец») планах.

Еще во время войны по обе стороны Атлантического океана началась разработка нового вида оружия — ядерного. Первоначально работа над «Манхэттенским проектом» велась США и Британией совместно. Тогда же Рузвельтом и Черчиллем была принята первая попытка урегулировать отношения в области ядерного сотрудничества — в 1943 г. было подписано Квебекское соглашение, запрещавшее без согласования с другой стороной договора, в частности, использование ядерного оружия в отношении третьих стран или передачу технологий^[3]. Однако впоследствии участие Великобритании в проекте свелось к нулю, а в 1946 г., уже после успешного испытания ядерной бомбы американцами и использования ее в атаках на Хиросиму и Нагасаки, был принят

[1] Леонова О.Г. Влияние стратегического партнерства АУКУС на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе / О.Г. Леонова // Вестник международных организаций. – 2022. – №3. – С. 194-211.

[2] Гарин А.А. Значение AUKUS для южной части Тихого океана: последствия для внешней политики и безопасности Австралии / А.А. Гарин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2022. – №1. – С. 223-233.

[3] Simpson J. The US-UK Special Relationship: The Nuclear Dimension / J. Simpson // Anglo-American Relation: Contemporary Perspectives / Ed. By A.P. Dobson, S. Marsh. – London: Routledge, 2013. – P. 242.

закон Макмагона^[1], запретивший передачу информации о ядерном оружии и его производстве остальным странам, включая и Великобританию. Подобная политика, отменяющая достижения Квебекского соглашения, могла проводиться конгрессом США из-за слабой осведомленности о вкладе Великобритании в разработку ядерного оружия^[2]. Через несколько лет ситуация существенно изменилась — в 1949 г. успешные испытания атомной бомбы провел СССР, а в 1952 г. третьей в клубе ядерных держав стала Британия, что позволило ей наладить сотрудничество с США в этой сфере уже в новом статусе. В 1954 г. в закон Макмагона были внесены поправки, разрешающие передачу третьим странам данных о «мирном атоме» и сотрудничестве в области обороны в ограниченных масштабах, уже в следующем году были подписаны договоры с Великобританией по этим двум направлениям^[3]. Отметим, что на протяжении долгого времени она оставалась единственной страной, в отношении которой работали упомянутые поправки.

В 1958 г. закон Макмагона вновь был изменен, что открыло возможности для подписания Договора о взаимной обороне 1958 г.^[4], на основе которого строятся британо-американские отношения в области обороны по сей день. Центральное положение договора — закрепление возможности передавать другой стороне секретную

информацию, а также материалы и оборудование, например, ядерные судовые энергетические установки, при этом передача ядерного оружия не предусмотрена.

Под «материалами» подразумевается, прежде всего, обогащенный уран. Позже была принята поправка о передаче ядерных материалов и неядерных компонентов (Статья 3-бис)^[5], которая не продлевается автоматически — ее условия надо согласовывать отдельно. Сворачивание собственной английской инфраструктуры по производству ядерных материалов в пользу импорта американских являлось отражением общей тенденции роста зависимости британского ОПК от американского, что было призвано оптимизировать военные расходы страны в условиях затяжного экономического кризиса.

Точно так же британцы отказались от ряда собственных программ по модернизации ядерного арсенала, в частности производства ракет «Blue Streak». Вместо этого было принято решение приобрести американские ядерные ракеты воздушного базирования «Skybolt», но программа их разработки была отменена США. Этот инцидент привел к очередному кризису в двусторонних отношениях^[6]. Компромисс удалось найти на встрече Д. Кеннеди и Г. Макмиллана в Нассау в 1962 г.^[7], где была достигнута договоренность о приобретении Британией баллистических ракет «Polaris»,

[1] Печуров С.Л. США – Великобритания: сто лет «особых отношений» / С.Л. Печуров // США и Канада: экономика: политика, культура. – 2012. – №7. – С. 51.

[2] Simpson J. The US-UK Special Relationship: The Nuclear Dimension / J. Simpson // Anglo-American Relation: Contemporary Perspectives / Ed. By A.P. Dobson, S. Marsh. – London: Routledge, 2013. – P. 243.

[3] Mills C. UK-US Mutual Defence Agreement / C. Mills // House of Commons Library: website. – 2014. – URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/sn03147/> (дата обращения: 29.08.2024).

[4] Mutual Defence Agreement // United Nations Treaty Collection. – URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20326/volume-326-I-4707-English.pdf> (дата обращения: 29.08.2024).

[5] Mills C. UK-US Mutual Defence Agreement / C. Mills // House of Commons Library: website. – 2014. – URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/sn03147/> (дата обращения: 29.08.2024).

[6] Young K. The Skybolt Crisis of 1962: Muddle or Mischief? / K. Young // Journal of Strategic Studies. – 2004. – №4. – P. 625.

[7] United Kingdom: Security: Nassau meeting, 1962-1963 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum: website. – URL: https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/jfkpof-127b-007#?image_id=JFKPOF-127b-007-p0037 (дата обращения: 29.08.2024).

подлежащих размещению на британских подводных лодках. При этом новые вооружения должны были стать частью Многосторонних ядерных сил НАТО. Это соглашение предопределило дальнейший вектор развития ядерных сил страны — если раньше планировалось сделать упор на тяжелых бомбардировщиках, то с этого момента — на БРПЛ^[1]. Следующее обновление сил ядерного сдерживания произошло после того, как в 1980 г. М. Тэтчер достигла соглашения с Рональдом Рейганом о поставках БРПЛ «Trident».

«Особые» отношения США и Великобритании омрачил в 1960-е годы отказ кабинета Г. Вильсона от реализации доктрины господства «к востоку от Суэца»^[2] в силу внутренних причин — Британия переживала экономический кризис, сопровождавшийся девальвацией фунта стерлинга. Сокращение числа военных баз, обслуживание которых бременем ложилось на бюджет, было воспринято США негативно.

Другой проблемой британо-американских отношений в области обороны времен «холодной войны» являлся вопрос задействования американских военных баз на территории Великобритании в американских военных кампаниях. Он поднимался во время Карибского кризиса, а также во время бомбардировок США Ливии в 1986 г. Тогда Тэтчер разрешила американцам использовать базы на территории Великобритании, назвав это платой «по фолклендским векселям»^[3], в знак благодарности за передачу цен-

ных разведданных и возможность задействовать американские базы в ходе Фолклендской войны, что сыграло важную роль в победе. Вместе с тем «особые» отношения США и Великобритании при М. Тэтчер и Р. Рейгане вышли на такой уровень, что их часто сравнивают с двусторонними отношениями эпохи Рузвельта и Черчилля.

Как было упомянуто выше, правовой основой ядерного сотрудничества Британии и США является Договор о взаимной обороне 1958 г., заключенный сроком на 10 лет и с тех пор регулярно продлеваемый на 5 или 10 лет. Его продление на следующее десятилетие должно было произойти в декабре 2024 г., однако в сентябре этого же года стало известно о согласии сторон на бессрочное продление договора^[4]. В условиях существования совместных британо-американских планов по модернизации вооружений (в частности, ввод в эксплуатацию британской АПЛ класса «Дредноут»), а также соглашения AUKUS, подразумевающего военное сотрудничество сторон в перспективе на несколько десятилетий, сложно представить, чтобы Великобритания или США в будущем отказались от договора 1958 г. Данный шаг является скорее символическим и вместе с тем неизменно следует обозначившейся тенденции на существенное углубление ядерного сотрудничества двух стран. Как утверждают эксперты Федерации американских ученых, в будущем можно даже ожидать возвращения американского ядерного оружия «на британскую землю», а именно на военную базу

[1] Greenberg M.A. Kennedy's Choice: The Skybolt Crisis Revisited / M.A. Greenberg // Naval War College Review. – 2000. – №4. – P. 146.

[2] Печуров С.Л. США – Великобритания: сто лет «особых отношений» / С.Л. Печуров // США и Канада: экономика: политика, культура. – 2012. – №7. – С. 56.

[3] Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты / Н.К. Капитонова. – М.: Международные отношения, 2017. – С. 116.

[4] US and UK Plan Indefinite Extension of Nuclear Weapons Co-operation Pact // Financial Times: website. – 03.09.2024. – URL: <https://www.ft.com/content/2ebca48f-e0bc-4c54-b126-244070c2cd96> (дата обращения: 04.09.2024).

Лейкенхит^[1] спустя 15 лет после его вывоза в 2008 г.

НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА AUKUS И СВЯЗАННЫЕ С НИМ УГРОЗЫ РЕЖИМУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Сотрудничество англосаксонских стран в ядерной сфере на современном этапе не ограничивается двусторонним взаимодействием США и Британии. В связи с ростом геополитической значимости Индо-Тихоокеанского региона и включением его в список региональных приоритетов национальной стратегии США в новый трехсторонний формат была включена еще одна страна — Австралия.

О создании оборонного альянса AUKUS было объявлено 15 сентября 2021 г. в совместном заявлении лидеров стран-участниц — Австралии, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов. Целью нового объединения являлось выведение сотрудничества государств в области обороны и безопасности на новый уровень, чтобы «ответить на вызовы XXI века» и поддержать «мир и стабильность в Индо-Тихоокеанском регионе»^[2]. Хотя Китай и не упомянут как в этом заявлении, так и в последующих, эксперты рассматривают AUKUS как альянс, созданный в противовес подъему Китая.

AUKUS стоит на двух столпах: передача Австралии атомных подводных лодок (с обычным вооружением) и реализация инициатив по развитию пе-

редовых оборонных возможностей. Приобретение таких подводных лодок существенно укрепит оборонный потенциал Австралии, поскольку они обладают целым рядом преимуществ по сравнению с аналогом на дизельном топливе. Они могут дольше находиться под водой, следовательно, их сложнее обнаружить, передвигаются быстрее и на большее расстояние, что теоретически позволит им достигать Китая. Важно и то, что такие подлодки, в отличие от дизельных, могут использоваться не только для оборонительных, но и для наступательных действий, а также способны нести ядерное вооружение. Все это выступило важным аргументом в пользу решения правительства Скотта Моррисона в 2021 г. об отмене сделки между Австралией и Францией о покупке французских дизельных подводных лодок, которым предпочли лодки в рамках AUKUS.

Интересно отметить, что данные шаги по усилению обороноспособности Австралии поддерживаются всеми основными политическими силами страны — новое лейбористское правительство Энтони Албаниза в полной мере сохранило преемственность по отношению к AUKUS. Правда, оно также осудило предшествующее коалиционное правительство Скотта Моррисона, которое включало в себя Либеральную и Национальную партии Австралии, в небрежном отношении к Франции. По мнению лейбористов, это привело к появлению напряженности в двусторонних отношениях^[3].

[1] Korda M., Kristensen H. Increasing Evidence That The US Air Force's Nuclear Mission May Be Returning to UK Soil // Federation of American Scientists: website. – 28.08.2023. – <https://fas.org/publication/increasing-evidence-that-the-us-air-forces-nuclear-mission-may-be-returning-to-uk-soil/> (дата обращения: 04.09.2024).

[2] Joint Leaders Statement on AUKUS // The White House: website. – 2021. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (дата обращения: 15.08.2024).

[3] Aukus pact: Australia Pays \$830m Penalty for Ditching Non-nuclear French Submarines // The Guardian: website. – 11.06.2022. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/jun/11/aukus-pact-australia-pays-830m-penalty-for-ditching-non-nuclear-french-submarines> (дата обращения: 15.08.2024).

Согласно новой стратегии обороны Австралии^[1], та стратегическая обстановка, в которой страна находится сейчас, «является самой сложной и несет самое большое количество вызовов со времен Второй мировой войны». Противостояние США и Китая является основным фактором, влияющим на безопасность страны. На протяжении десятилетий Австралия жила в удобной для себя парадигме, когда гегемоном в регионе оставались США, и при формировании внешнеполитического курса правительством неизменно учитывался тот «зонтик безопасности», который Соединенные Штаты предоставляли Австралии^[2]. Однако усиление Китая в регионе эту привычную парадигму разрушает.

Если еще 15 лет назад на политику Австралии относительно Китая могли влиять внутривнутриполитические факторы и межпартийные разногласия, то теперь среди партий сложился консенсус относительно внешнеполитических приоритетов страны. Смена лидеров вряд ли сможет привести к каким-либо изменениям по этому вопросу, как, например, произошло 15 лет назад, когда к власти пришел симпатизирующий Китаю лейборист Кевин Радд. Когда он занимал пост премьера-министра, Австралия объявила о выходе из первого варианта QUAD^[3]. Серьезные шаги по усилению своего военного потенциала Австралия начала предпринимать после прихода к власти в 2018 г. коалиционного правительства Скотта

Моррисона. В 2020 г. был взят курс на модернизацию вооружений, также было дано согласие на размещение на территории страны боевых самолетов^[4]. В мае 2022 г. правящая партия в Австралии сменилась — новое лейбористское правительство возглавил Энтони Албаниз, который, тем не менее, сохранил преемственность с прошлым правительством в вопросах внешней политики и обороны. Закреплению антикитайского нарратива в обеих крупнейших политических силах страны способствовали, в том числе, и внешние факторы — подписание Китаем в апреле 2022 г. соглашения по безопасности с Соломоновыми островами^[5], а также отказ КНР осудить действия России на Украине.

Наибольшего прогресса в реализации инициатив альянса удалось добиться за 2023 год. В первом заявлении лидеров стран альянса 2021 г. было объявлено^[6], что на протяжении полутора лет стороны будут проводить консультации, по результатам которых и будет выработан оптимальный план по передаче Австралии подлодок и определено, какие конкретно лодки она получит. В совместном заявлении лидеров стран-участниц AUKUS 2023 г., по прошествии этого 18-месячного периода, была сформулирована программа действий^[7] — на вооружение Великобритании и Австралии в конце 30-х и в начале 40-х годов соответственно будут поставлены подлодки нового поколения британской

[1] National Defence Strategy // Australian government. Defence: website. – 2024. – URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2024-national-defence-strategy-2024-integrated-investment-program> (дата обращения: 03.08.2024).

[2] Гарин А.А. Значение AUKUS для южной части Тихого океана: последствия для внешней политики и безопасности Австралии / А.А. Гарин // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. – 2022. – №1. – С. 225.

[3] Бабаев К.В. Вся «Тихоокеанская» рать: система военно-политических союзов США в Индийском и Тихом океанах / К.В. Бабаев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – №1. – С. 113.

[4] Филатов И.Д. Альянс AUKUS: прошлое, настоящее и будущее / И.Д. Филатов // Хроноэкономика. – 2022. – №4. – С. 27.

[5] Австралия разочарована соглашением Китая и Соломоновых Островов по безопасности // ТАСС: сайт. – 20.04.2022. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14419997> (дата обращения: 15.08.2024).

[6] Joint Leaders Statement on AUKUS // The White House: website. – 2021. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (дата обращения: 15.08.2024).

[7] Joint Leaders Statement on AUKUS // The White House: website. – 2023. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/joint-leaders-statement-on-aukus-2/> (дата обращения: 15.08.2024).

разработки «SNN-AUKUS», при производстве которых будут, тем не менее, использоваться новейшие технологии всех трех стран. Производиться они будут на верфях как Британии, так и Австралии, что создаст дополнительные рабочие места в этих странах. Однако свои первые атомные подлодки Австралия получит еще раньше — не дожидаясь конца разработки и производства «SNN-AUKUS». В начале 30-х годов США планируют поставить ей как минимум три подлодки класса «Virginia». В конце августа 2024 г. АПЛ американского производства впервые прошла техническое обслуживание в Австралии^[1].

Все эти решения создают опасный прецедент. Хотя страны AUKUS и заявляют, что передают Австралии не атомное оружие, а лишь военно-морские ядерные установки, что, по их мнению, не нарушает ни ДНЯО, ни Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана (Договор Раротонга)^[2], все равно неядерная держава впервые может получить собственные АПЛ. Впрочем, отметим, что случай Австралии в настоящее время не единственный — Бразилия с 2023 г. работает над своей программой^[3] и планирует строить подлодки вместе с французской компанией Naval Group (сделку с которой разорвала Австралия).

Однако ослабление режима нераспространения ядерного оружия произойдет как минимум потому, что ядерные материалы на АПЛ Австралии будут фактически выведены из-под гарантий и инспекций МАГАТЭ. Хотя генеральный директор агентства Рафаэль Гросси и выразил удовлетворенность^[4] австралийским проектом, ситуация может подрывать авторитет МАГАТЭ в глазах международного сообщества. Как было отмечено выше, США еще не делились ядерными технологиями такой важности ни с кем, кроме Великобритании, которая к тому моменту уже обладала собственным ядерным оружием^[5]. Австралия, ранее выступавшая против любого немирного использования ядерных технологий, столкнулась и с непониманием со стороны соседей по региону, например, Новой Зеландии, которая в 1980-е годы даже разорвала отношения в области безопасности с США из-за своей принципиальной позиции по ядерному вопросу. Тогда трехсторонний блок АНЗЮС был фактически преобразован в двухсторонний после того, как в 1987 г. конгресс США в ответ на новозеландский запрет кораблям США, способным нести ядерное оружие, заходить в порты принял закон Брумфильда, лишивший государство статуса союзника США^[6].

[1] US Nuclear Submarine to Undergo First Maintenance in Australia as Part of AUKUS Initiative // News AZ: website. – 27.08.2024. – URL: <https://news.az/news/us-nuclear-submarine-to-undergo-first-maintenance-in-australia-as-part-of-aukus-initiative> (дата обращения: 04.09.2024).

[2] The AUKUS agreement // House of Commons Library: website. – P. 20. – URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9335/CBP-9335.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).

[3] Калинин Р.Р. Бразилия, AUKUS и режим ядерного нераспространения: в одной лодке? / Р.Р. Калинин // ПИР-Центр: сайт. – 19.10.2023. – URL: <https://pircenter.org/editions/brazilija-aukus-i-rezhim-jadernogo-nerasprostraneniya-v-odnoj-lodke/#:~:text=4%20%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%202023%20%D0%B3,%D0%90%D0%9F%D0%9B%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BC%D1%83%D1%82%20%D0%B2%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%20%D0%92%D0%9C%D0%A4> (дата обращения: 15.08.2024).

[4] Joint Leaders Statement to Mark One Year of AUKUS // The White House: website. – 2022. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/09/23/joint-leaders-statement-to-mark-one-year-of-aukus/> (дата обращения: 15.08.2024).

[5] The AUKUS agreement // House of Commons Library: website. – P. 17. – URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9335/CBP-9335.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).

[6] Торопчин Г.В. Австралия в АНЗЮС: эволюция восприятия и приоритетов / Г.В. Торопчин // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 г. – Нижневартовск, 2015. – С. 190.

Вторым столпом альянса AUKUS является реализация инициатив по развитию передовых оборонных возможностей. Информация относительно них долгое время была довольно ограничена^[1], а контуры направлений вырисовывались медленно. Тем не менее значимость этого компонента в том, что он направлен на совместное развитие новых технологий в области обороны. Во время основания блока в 2021 г.^[2] было сформулировано четыре направления — работа над улучшением киберпотенциала, ИИ, квантовых технологий и дополнительных подводных мощностей. В 2022 г. появилась информация^[3] еще о четырех областях сотрудничества — развитии гиперзвуковых и радиоэлектронных технологий, сотрудничестве в области инноваций и обмен информацией. В 2023 г. и 2024 г. участники альянса провели серию учений с использованием БПЛА и технологий в области искусственного интеллекта^[4].

Препятствием на пути реализации как первого, так и второго столпов альянса считались особенности законодательства США, например, существование Правил международной торговли оружием (ITAR), которые накладывают существенные ограничения на экспорт вооружений и связанных с ними технологий и обязывают экспортеров получать от правительства США лицензии, что может быть сложным и обременительным процессом^[5].

Хотя обсуждение вопроса в конгрессе США заняло время, обе партии в итоге согласились изменить законодательство, сделав для Великобритании и Австралии беспрецедентное исключение. В декабре 2023 г. был принят Закон о национальной обороне на 2024 финансовый год, где для Австралии и Великобритании было предусмотрено лицензионное освобождение, а в апреле 2024 г. министерство торговли США подтвердило снятие правил Бюро управления экспортом для этих стран. В сентябре 2024 г. экспортные ограничения в отношении стран-участниц AUKUS будут сняты также в Великобритании и Австралии^[6].

ВЫВОДЫ

Таким образом, во второй половине XX века Британия стала зависеть от США в сфере обороны, в том числе и ядерной. В настоящее время эта связка британских сил ядерного сдерживания с американскими прослеживается еще более отчетливо, отражением чего является намерение продлить двусторонний Договор о взаимной обороне 1958 г. бессрочно. Курс на безусловное выполнение союзнических обязательств в рамках НАТО и их расширение, приверженность которому обозначило лейбористское правительство Великобритании, является

[1] Brooke-Holland L. AUKUS Pillar 2: Advanced capabilities // UK Parliament: website. – 08.03.2024. – URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9842/> (дата обращения: 15.08.2024).

[2] Joint Leaders Statement on AUKUS // The White House: website. – 2023. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/joint-leaders-statement-on-aukus-2/> (дата обращения: 15.08.2024).

[3] Fact Sheet: Implementation of Australia – United Kingdom – United States Partnership (AUKUS) // UK Government: website. – 05.04.2022. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/implementation-of-the-australia-united-kingdom-united-states-partnership-aukus-fact-sheet/fact-sheet-implementation-of-the-australia-united-kingdom-united-states-partnership-aukus> (дата обращения: 15.08.2024).

[4] Saballa J. AUKUS Nations Test AI-Enabled Drones Against Ground Targets // The Defense Post: website. – 14.08.2024. – URL: <https://thedefensepost.com/2024/08/14/aukus-drones-ground-targets/> (дата обращения: 20.11.2024).

[5] Nicastro L.A. AUKUS Pillar 2: Background and Issues for Congress // Congressional research service. – 20.05.2023. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47599> (дата обращения: 15.08.2024).

[6] US, UK and Australia further boost defence trade cooperation // Australian Government Defence: website. – 20.04.2024. – URL: <https://www.defence.gov.au/news-events/releases/2024-04-20/us-uk-and-australia-further-boost-defence-trade-cooperation#:~:text=It%20follows%20the%20passage%20of,for%20military%20end%20use%20items> (дата обращения: 15.08.2024).

реальностью британской политики уже долгое время. Компании, обслуживающие британский и американский ОПК, связаны как никогда ранее.

На протяжении «холодной войны» и последующих за ней десятилетий Великобритания оставалась единственной страной (за исключением «негативных консультаций» с Францией), с кем США делились технологиями ядерного оружия и иными материалами, создав тем самым важный прецедент. Однако это стало возможным лишь после принятия в 1954 г. и в 1958 г. поправок к закону Макмагона. В XXI веке участником традиционного двустороннего англосаксонского ядерного сотрудничества стала третья сторона — Австралия.

AUKUS занимает особое место в западной архитектуре безопасности в АТР. С одной стороны, альянс основан на связях стран, которые и без того имеют долгую историю сотрудничества, и в этом смысле не представляет

собой кардинально новое объединение с точки зрения участников. Но, с другой стороны, AUKUS фактически является единственным формализованным военным блоком в регионе. Вместе с тем его можно назвать наиболее устойчивым объединением, благодаря, во-первых, исторически тесным связям государств, во-вторых, учету интересов ВПК Австралии и Великобритании, которые выигрывают от сделки, в-третьих, долгосрочному и стратегическому характеру реализуемых программ.

Альянс AUKUS создает условия для передачи информации, связанной с ядерными технологиями, а также атомных подводных лодок стране, не имеющей ядерного оружия, что может привести к дискредитации существующих международных институтов, таких как МАГАТЭ, а также распространению данной практики и среди других игроков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев К.В. Вся «Тихоокеанская» рать: система военно-политических союзов США в Индийском и Тихом океанах / К.В. Бабаев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – №1. – С. 107-127.
2. Гарин А.А. Значение AUKUS для южной части Тихого океана: последствия для внешней политики и безопасности Австралии / А.А. Гарин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2022. – №1. – С. 223-233.
3. Ермаков С.М. Влияние AUKUS на систему международной безопасности / С.М. Ермаков // Проблемы национальной стратегии. – 2022. – №1. – С. 130-152.
4. Калинин Р.Р. Бразилия, AUKUS и режим ядерного нераспространения: в одной лодке? / Р.Р. Калинин // ПИР-Центр: сайт. – 19.10.2023. – URL: <https://pircenter.org/editions/brazilija-aukus-i-rezhim-jadernogo-nerasprostraneniya-v-odnoj-lodke/#:~:text=4%20%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%202023%20%D0%B3.,%D0%90%D0%9F%D0%9B%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BC%D1%83%D1%82%20%D0%B2%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%20%D0%92%D0%9C%D0%A4> (дата обращения: 15.08.2024).

5. Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты / Н.К. Капитонова. – М.: Международные отношения, 2017. – 488 с.
6. Леонова О.Г. Влияние стратегического партнерства АУКУС на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе / О.Г. Леонова // Вестник международных организаций. – 2022. – №3. – С. 194-211.
7. Печуров С.Л. США – Великобритания: сто лет «особых отношений» / С.Л. Печуров // США и Канада: экономика: политика, культура. – 2012. – №7. – С. 45-60.
8. Торопчин Г.В. Австралия в АНЗЮС: эволюция восприятия и приоритетов / Г.В. Торопчин // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 г. – Нижневартовск, 2015. – С. 188-191.
9. Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие: Историко-политический аспект / В.Г. Трухановский. – М.: Международные отношения, 1985. – 228 с.
10. Филатов И.Д. Альянс АУКУС: прошлое, настоящее и будущее / И.Д. Филатов // Хроноэкономика. – 2022. – №4. – С. 25-32.
11. Brooke-Holland L. AUKUS Pillar 2: Advanced Capabilities // UK Parliament: website – 08.03.2024. – URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9842/> (дата обращения: 15.08.2024).
12. Nicastro L.A. AUKUS Pillar 2: Background and Issues for Congress // Congressional research service: website. – 20.05.2023. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47599> (дата обращения: 15.08.2024).
13. Greenberg M.A. Kennedy's Choice: The Skybolt Crisis Revisited / M.A. Greenberg // Naval War College Review. – 2000. – №4. – P. 143-148.
14. Korda M., Kristensen H. Increasing Evidence That The US Air Force's Nuclear Mission May Be Returning to UK Soil // Federation of American Scientists: website. – 28.08.2023. – <https://fas.org/publication/increasing-evidence-that-the-us-air-forces-nuclear-mission-may-be-returning-to-uk-soil/> (дата обращения: 04.09.2024).
15. Mills C. UK-US Mutual Defence Agreement / C. Mills // House of Commons Library. – 2014. – URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/sn03147/> (дата обращения: 29.08.2024).
16. Simpson J. The US-UK Special Relationship: The Nuclear Dimension / J. Simpson // Anglo-American Relation: Contemporary Perspectives / Ed. By A.P. Dobson, S. Marsh. – London: Routledge, 2013. – P. 241-262.
17. Young K. The Skybolt Crisis of 1962: Muddle or Mischief? / K. Young // Journal of Strategic Studies. – 2004. – №4. – P. 614-635.

REFERENCES

1. Babaev K.V. Vsyа «Tihookeanskaya» rat: sistema voenno-politicheskikh soyuzov SShA v Indijskom i Tihom okeanah [“All the Indo-Pacific Men”: The System of US Political and Military Pacts in the Indian Ocean and Asia Pacific / K.V. Babaev // Kontury globalnyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. – 2023. – №1. – P. 107-127.

2. Brooke-Holland L. AUKUS Pillar 2: Advanced capabilities. – 08.03.2024. – URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9842/> (accessed: 15.08.2024).
3. Ermakov S.M. Vliyanie AUKUS na sistemu mezhdunarodnoj bezopasnosti [AUKUS's Influence on the System of International Security] / S.M. Ermakov // Problemy nacionalnoj strategii [National Strategy Issues]. – 2022. – №1. – P. 130-152.
4. Filatov I.D. Alyans AUKUS: proshloe, nastoyashee i budushee [AUKUS Alliance: Past, Present and Future] / I.D. Filatov // Hronoekonomika [Chronoeconomics]. – 2022. – №4. – P. 25-32.
5. Garin A.A. Znachenie AUKUS dlya yuzhnoj chasti Tihogo okeana: posledstviya dlya vneshnej politiki i bezopasnosti Avstralii [AUKUS and The South Pacific: Foreign Policy and Security Implications for Australia] / A.A. Garin // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya [Southeast Asia: Actual Problems of Development]. – 2022. – №1. – P. 223-233.
6. Greenberg M.A. Kennedy's Choice: The Skybolt Crisis Revisited / M.A. Greenberg // Naval War College Review. – 2000. – №4. – P. 143-148.
7. Kalinin R.R. Braziliya, AUKUS i rezhim yadernogo nerasprostraneniya: v odnoj lodke? [Brazil, AUKUS and the Republic of Korea: in the same boat?] / R.R. Kalinin // PIR-Centr. – 19.10.2023. – URL: <https://pircenter.org/editions/brazilija-aukus-i-rezhim-jadernogo-nerasprostraneniya-v-odnoj-lodke/#:~:text=4%20%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%202023%20%D0%B3.,%D0%90%D0%9F%D0%9B%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BC%D1%83%D1%82%20%D0%B2%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%20%D0%92%D0%9C%D0%A4> (accessed: 15.08.2024).
8. Kapitonova N.K. Britanskije premer-ministry. Politicheskie portrety [British Prime Ministers. Political portraits] / N.K. Kapitonova. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya [International Relations], 2017. – 488 p.
9. Korda M., Kristensen H. Increasing Evidence That The US Air Force's Nuclear Mission May Be Returning to UK Soil // Federation of American Scientists: website. – 28.08.2023. – <https://fas.org/publication/increasing-evidence-that-the-us-air-forces-nuclear-mission-may-be-returning-to-uk-soil/> (accessed: 04.09.2024).
10. Leonova O.G. Vliyanie strategicheskogo partnerstva AUKUS na geopoliticheskuyu situaciyu v Indo-Tihookeanskom regione [The Impact of the Strategic Partnership AUKUS on the Geopolitical Situation in the Indo-Pacific Region] / O.G. Leonova // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij [International Organisations Research Journal]. – 2022. – №3. – P. 194-211.
11. Mills C. UK-US Mutual Defence Agreement / C. Mills // House of Commons Library. – 2014. – URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/sn03147/> (accessed: 29.08.2024).
12. Nicastro L.A. AUKUS Pillar 2: Background and Issues for Congress. – 20.05.2023. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47599> (accessed: 15.08.2024).

13. Pechurov S.L. SShA – Velikobritaniya: sto let «osobyh otnoshenij» [USA-Great Britain: Hundred Years of Their «Special Relationship»] / S.L. Pechurov // SShA i Kanada: ekonomika: politika, kultura [USA & Canada: Economics – Politics – Culture]. – 2021. – №7. – P. 45-60.
14. Simpson J. The US-UK Special Relationship: The Nuclear Dimension / J. Simpson // Anglo-American Relation: Contemporary Perspectives / Ed. By A.P. Dobson, S. Marsh. – London: Routledge, 2013. – P. 241-262.
15. Toropchin G.V. Avstraliya v ANZYUS: evolyuciya vospriyatiya i prioritetov [Australia in ANZUS: the History of Development and Priorities] / G.V. Toropchin // Kultura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf. [Culture, Science, Education: Problems and Prospectives: Materials of the IV Federal Research and Practical Conference], Nizhnevartovsk, 12–13 February 2015. – Nizhnevartovsk, 2015. – P. 188-191.
16. Truhanovskij V.G. Anglijskoe yadernoe oruzhie: Istoriko-politicheskij aspekt [English Nuclear Weapons: A Historical and Political Aspect] / V.G. Truhanovskij. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya [International Relations], 1985. – 228 p.
17. Young K. The Skybolt Crisis of 1962: Muddle or Mischief? / K. Young // Journal of Strategic Studies. – 2004. – №4. – P. 614-635.

Обзор круглого стола Итальянского клуба имени Т.В. Зоновой НСО МГИМО по теме «100-летие установления дипломатических отношений СССР со странами мира»

Сосницкая Виктория Дмитриевна

МГИМО МИД России

Факультет управления и политики, 2 курс магистратуры

Шуклин Даниил Андреевич

МГИМО МИД России

Факультет международных отношений, 3 курс

РЕЗЮМЕ

Круглый стол, организованный Итальянским клубом имени Т.В. Зоновой при поддержке экспертов МГИМО 21 марта 2024 года, посвящен столетию установления дипломатических отношений СССР с европейскими и внерегиональными государствами и признания Советского Союза де-юре, известного в отечественной историографии как «полоса признания». В период «полосы признаний СССР» советская позиция, очевидно, была направлена в первую очередь на расширение своего влияния и продвижение как идеологических, так и национальных интересов. Признание со стороны малых государств, таких как Албания и Греция, было необходимо в качестве шага к укреплению влияния в политически раздробленном регионе. Установление дипломатических контактов с великими державами того времени, такими как Великобритания, придавало Советскому Союзу больший международный авторитет, который был крайне важен для определения роли государства в мировой политике. Кроме того, значение связей с европейскими странами, включая Италию и Францию, а также

участие в «полосе признаний» государств других континентов, к примеру, Мексики, подтверждается разнообразием дипломатических стратегий, применяемых советским правительством. И несмотря на акцент на выстраивание гармоничных отношений со странами Европы, партнерство с государствами по другую сторону Атлантики было не на последнем месте в списке приоритетов внешней политики СССР, так как было призвано преодолеть идеологические разногласия и представить Советский Союз в качестве глобального игрока, а не сугубо региональной державы. Изучение опыта «полосы признания» спустя столетие позволяет глубже понять приоритеты и принципы внешней политики России, учесть успешные и неудачные дипломатические шаги, а также выявить факторы, определяющие уровень международных отношений между государствами с различными интересами и политико-экономическими системами. Проведение круглого стола способствовало росту интереса начинающих исследователей к истории внешней политики России и обмену позициями между студентами различных университетов и опытными учеными.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

полоса признаний; дипломатические отношения; СССР; межвоенный период; Великобритания; Греция; Мексика; Франция.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы обзора выражают благодарность участникам круглого стола, предоставившим свои материалы: Калашян Карине Эдвардовне, Наконечному Игнату Андреевичу, Гостевой Владиславе Юрьевне, Зиновьеву Егору Сергеевичу, Сидоровой Марине Владимировне, Серебренниковой Анастасии Дмитриевне, Агаповой Елизавете Сергеевне — и их научным руководителям.

Для связи с авторами: shuklin-04@mail.ru

ВЫПУСК №2(16) АПРЕЛЬ-ИЮНЬ 2024

Round Table by Italian Club (NSO MGIMO) Review: 100 Years Since the Soviet Union Diplomatic Recognition

Victoria D. Sosnitskaya

MGIMO University

School of Governance and Politics, 2nd Year Master's Programme

Daniil A. Shuklin

MGIMO University

School of International Relations, 3rd Year

ABSTRACT

The round table held by NSO MGIMO Italian Club named after Tatiana V. Zonova discussed the establishment of diplomatic relations between the USSR and European and non-European powers as well as the Soviet Union official recognition (known in Russian research tradition as “the period of recognition”). The round table gave floor to students presenting the results of their research and to MGIMO professors sharing their expertise on the topic. In 1920s the Soviet Union struggled to broaden its influence and further its ideological interests, as well as national ones. Diplomatic recognition by small states, such as Albania and Greece, was necessary to strengthen the Soviet influence in the Balkan region, which was politically divided. Establishing diplomatic relations with great powers, namely Great Britain, was essential for enhancing the Soviet international prestige and its role in world politics. The importance of official relations with both

European states including France and Italy and non-European countries, such as Mexico, is underlined by the variety of diplomatic tools and strategies employed by the USSR. Although the Soviet Union put a premium on relations with European powers, establishing ties with transatlantic states was crucial to come over ideological differences and enhance the Soviet status as a global power, not only a regional one. The study of the Soviet experience is helpful to understand the priorities and principles of contemporary Russian policy and diplomacy, take into account the good results and mistakes and define the factors that influence diplomatic relations between states with diverging national interests and socio-political and economic systems. The round table contributed to raising students' research interest to the issues of Russian foreign policy history and sharing knowledge between young researchers from different universities and experienced scholars.

KEYWORDS

USSR diplomatic recognition; diplomatic relations; Soviet Union; interwar period; UK; Greece; Mexico; France.

ACKNOWLEDGEMENTS

The authors would like to thank the round table participants and their research supervisors for their contribution: Karina E. Kalashian, Ignat A. Nakonechny, Vladislava Yu. Gosteva, Egor S. Zinoviev, Marina V. Sidorova, Anastasia D. Serebrennikova, Elizaveta S. Agapova.

Contact the authors via shuklin-04@mail.ru

Организатором круглого стола, состоявшегося 21 марта 2024 года, выступил Итальянский клуб имени Т.В. Зоной НСО МГИМО. В работе круглого стола приняли участие студенты МГИМО, МГУ и других вузов России. В ходе содержательных выступлений и последующей дискуссии были затронуты различные аспекты установления и развития официальных отношений СССР с рядом стран. Мероприятие было приурочено к столетию с начала «Полосы признания» — серии договоров об установлении дипломатических отношений, подписанных Советским Союзом. Именно в 1924 году было заключено наибольшее количество таких соглашений, ввиду чего помимо рассмотрения исторического контекста участники в своих исследованиях затронули вектор развития отношений между Российской Федерацией и странами, о которых были подготовлены выступления.

В качестве модератора конференции выступили студенты МГИМО — представители администрации Итальянского клуба имени Т.В. Зоной НСО МГИМО. Экспертами на круглом столе стали научный руководитель Итальянского клуба имени Т.В. Зоной НСО МГИМО, доцент кафедры интеграционных процессов, кандидат политических наук Е.А. Маслова; доцент кафедры всемирной и отечественной истории, кандидат исторических наук Н.А. Могилевский; доцент кафедры мировой экономики, кандидат экономических наук М.С. Овакимян. Всего было представлено шесть докладов об установлении и развитии отношений между СССР и следующими странами: Италия, Франция, Греция, Албания, Великобритания, Мексика.

Первой на круглом столе выступила Елена Александровна Маслова, попри-

ветствовав участников конференции и отметив важность изучения истории двусторонних отношений СССР и, впоследствии, России с зарубежными государствами в контексте устремленности нашей страны проводить многовекторную политику, основанную на принципах многополярности и сотрудничества со странами со всего мира.

В этом обзоре будут подробно рассмотрены четыре доклада, посвященные отношениям СССР с Францией, Великобританией, Грецией, Мексикой.

Тон дискуссии задал студент МГУ И. Наконечный, выступив с докладом «Советско-французские отношения 1924-1930 гг.», в котором он отметил, что Франция после подписания Локарнских соглашений намеревалась постепенно включить Россию в «европейский концерт» и расширять экономическое сотрудничество, но при этом осуществлять политическое давление на СССР. Перед Францией в 1920-х годах стояла задача сбалансировать отношения с СССР и Германией для нейтрализации возможной угрозы со стороны последней. При этом было отмечено, что одним из многих препятствий на пути к установлению прочных франко-советских отношений в межвоенный период стал вопрос о царских долгах. В середине 1920-х годов Францией активно поднимался вопрос о выплате царских долгов, в результате чего в 1925 году состоялись дипломатические переговоры между двумя странами. В их ходе обсуждались вопросы торговли, военного сотрудничества и обеспечения безопасности Франции перед возрастающей угрозой со стороны Германии. Основным стремлением Франции было получение советской поддержки в случае военного конфликта, однако СССР склонялся к политике нейтралитета, что еще больше усложняло поиск компромисса.

Хотя советская сторона и глава французского правительства Аристид Бриан были готовы прийти к соглашению, переговоры не увенчались успехом.

Далее с докладом на тему «Отношения Великобритании и СССР в 1920–1929 годы» выступила студентка МГИМО К. Калашян, отметив, что отношения между двумя странами исторически развивались в русле тесного экономического сотрудничества, но в условиях напряженной политической атмосферы. Несмотря на то, что официальное признание СССР Великобританией сделано в 1924 году, фактическое установление отношений Советской России с Англией состоялось еще в 1921 году. В 1920 году Ллойд Джордж, воспользовавшись приездом в Лондон Красина как представителя Центросоюза, начал вести переговоры о торговом соглашении между РСФСР и Великобританией. Несмотря на экономический характер соглашения, переговоры плавно перетекли в политическое русло. Среди прочего представители Великобритании настаивали на отказе Советской республики от поддержки враждебных Англии выступлений в Малой Азии, Иране, Афганистане, Индии и Грузии; воздержании от пропаганды и агитации; прекращении поддержки кемалистов в Турции; принятии обязательства не нападать на Прибалтийские государства и не начинать военных действий на Чёрном море против Врангеля и на Каспийском море против Ирана. Одновременно Ллойд-Джордж требовал принципиального признания Советским правительством царских долгов. Советская сторона же настаивала на снятии блокады (морской, финансовой и персональной); организации взаимного торгового представительства; принятии легальных основ двусторонней торговли; прекращении поддержки Польши,

начавшей в это время войну против Советской республики; а также выплате ущерба, нанесенного Англией во время интервенции. Несмотря на то, что соглашение действительно было заключено в 1921 году, решение политических споров было решено отложить на более поздний этап. Так, только в 1924 году в результате прихода к власти в Великобритании Лейбористской партии между Правительством СССР и Правительством Великобритании произошел обмен нотами о признании СССР де-юре Великобританией.

Далее выступили студенты МГИМО В. Гостева, Е. Зиновьев, М. Сидорова, А. Серебренникова с докладом на тему «Установление дипломатических отношений СССР и Греции и их развитие в 1924–1939 годы». Участники представили всесторонний анализ двусторонних отношений в обозначенный период. Принятие решения о восстановлении дипломатических отношений с Россией произошло на фоне усиливавшегося в Греции социалистического движения. В результате 8 марта 1924 г. состоялся обмен нотами между правительством СССР и правительством Греции о признании СССР де-юре Грецией. В сентябре 1924 г. в ноте НКВД СССР миссии Греческой Республики сообщалось о «согласии на открытие, на основе взаимности, генеральных консульств: СССР — в Салониках и Греческой Республики — в Одессе». В этом же году было дано согласие на открытие еще одного консульства в Краснодаре или Новороссийске (на выбор греческой стороны). Установление дипломатических отношений открывало возможности для решения различных вопросов, таких как возвращение России движимого и недвижимого имущества на территории Греции, принадлежавшего бывшему российскому правительству, а также различным российским

организациям; репатриация амнистированных солдат белых армий и военнопленных; выдача паспортов вынужденно оказавшимся за границей русским людям; возвращение греческих подданных, осужденных в СССР за спекуляцию и отправленных в Сибирь. При этом установление дипломатических отношений способствовало развитию торговых отношений между двумя странами, несмотря на установившуюся в 1925-1926 гг. диктатуру Пангалоса. 23 июля 1926 года в Афинах было заключено Таможенно-тарифное соглашение между СССР и Грецией, которое придало импульс развитию двусторонней торговли. Однако после свержения диктатуры Пангалоса отношения между странами стали ухудшаться, в Греции стали распространяться антисоветские настроения, что привело к разрыву соглашения в 1928 году.

В заключение круглого стола выступила студентка МГИМО Е. Агапова с докладом на тему «Установление и развитие дипломатических отношений между Мексикой и СССР в 1924–1930 годы». Она отметила, что в 1920-ые годы позиция Мексики в отношении СССР была достаточно неоднозначной: с одной стороны, возобновление отношений сулило возможности для сотрудничества и торговли, а также культурное взаимодействие; другой — это могло вызвать противодействие со стороны США, особенно принимая во внимание позицию СССР на международной арене. Первые шаги к восстановлению отношений нашли отражение в гуманитарной сфере: во время разразившегося в 1921–1923 в Поволжье голода правительство Об-регона оказывало гуманитарную помощь советскому народу. Эти усилия по сближению не прошли даром: 4 августа 1924 г. дипломатические отношения были восстановлены. Так, Мексика

стала первым государством Латинской Америки, с которым СССР установил дипломатические отношения. Сразу началось тесное культурное сотрудничество, включая визиты деятелей политики и культуры (со стороны СССР — С. Эйзенштейн, Анна Павлова и др.; со стороны Мексики — Диего Ривера, Давид Сикейрос и др.). Несмотря на приостановку отношений в 1930 г., сотрудничество не было полностью прервано (например, в начале 1930-ых в Мексике находился С. Эйзенштейн для съемок фильма «Да здравствует Мексика!»), а в 1942 г. отношения вновь были полностью восстановлены.

На круглом столе были также представлены доклады о советско-итальянском взаимодействии («Установление и развитие дипломатических отношений между Италией и СССР в 1924–1930 годы», автор В. Терских), установлении дипломатических сношений СССР с Албанией («Отношения Албании и СССР в 1920-е годы», автор С. Матюшкин).

Круглый стол завершился активным обсуждением докладов участников, сессией вопрос-ответ. Следует отметить, что рассмотрение истории установления дипломатических отношений Советского Союза с европейскими и внерегиональными государствами позволило выявить как разницу в подходах СССР и его партнеров, так и общие тенденции «полосы признания». Участники круглого стола пришли к заключению, что как многие великие державы, так средние государства к середине 1920-х гг. осознали необходимость возвращения Советского Союза в систему международных отношений в качестве ключевого игрока, учитывая его внешнеполитический и экономический потенциал, а также неустойчивость Версальской подсистемы при отсутствии механизмов для

защиты интересов всех значимых держав. По этим причинам и из необходимости дальнейшего преодоления дипломатической изоляции СССР был готов к компромиссам и гибкости в отношениях с европейскими и не только государствами. Таким образом, «полоса признания» стала практическим воплощением идей мирного сосуществования и равноправия социально-политических систем. Тем не менее, как было показано в докладах, в частности, посвященных Великобритании и Греции, не всем государствам удалось закрепить конструктивные тенденции и укрепить дипломатические отношения с Советским Союзом. Одной из ключевых причин являлась смена внутривнутриполитического курса этих государств, в результате чего возрастали разногласия с СССР и росло опасение перед угрозами, которые мог бы представлять Советский Союз.

Подчеркивая важность изучения дипломатического опыта столетней давности в современную эпоху, участники дискуссии и эксперты отметили, что политическая и дипломатическая изоляция не способствует стабильности и устойчивости системы международных отношений. При наличии признания де-факто и сохранении экономических и торговых контактов стороны нуждаются в их официальном оформлении. Ключевыми препятствиями на этом пути могут являться преобладание внутривнутриполитических тактических интересов над стратегическими интересами внешней политики, недоверие вследствие активного информационного воздействия, отсутствие готовности к

взаимным уступкам. Осознание успешного и неудачного опыта советской дипломатии в поиске компромиссов как с нейтральными, так и с негативно настроенными государствами важно для понимания ключевых принципов российской дипломатии сегодня, ее внешнеполитических приоритетов и интересов в историческом развитии — в том числе, создания устойчивой системы безопасности в Европе.

В заключение эксперты подвели итоги состоявшейся дискуссии, дав участникам ценные комментарии по их докладам, возможностям углубления исследований. Они также отметили высокий уровень подготовки студентов и указали на важность дальнейшего изучения рассмотренных тем для возможности публикации полноценных статей в целях поддержки и развития интереса к исследованиям по тематике истории двусторонних отношений России с зарубежными государствами. Итальянский клуб имени Т.В. Зоной НСО МГИМО выражает благодарность экспертам за их поддержку развития студенческих исследований, авторам докладов и их научным руководителям за интерес к мероприятию и глубокую проработку выбранных научных проблем. Организаторы и участники круглого стола надеются, что проведенное мероприятие будет способствовать росту интереса начинающих исследователей к проблемам истории международных отношений, внешней политики и дипломатии и внесет вклад в укрепление студенческой научной деятельности в Университете.

Рецензия на монографию А.А. Алешина «Великобритания – Евросоюз – НАТО: Реорганизация “трансатлантического пространства безопасности”» (Аспект Пресс, 2023 г.)

*Александрова Анна Сергеевна,
Васькина Ангелина Александровна
МГИМО МИД России
Факультет международных отношений, 4 курс*

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А

Великобритания; Европейский союз; НАТО; трансатлантическое пространство безопасности; Брекзит; ОПБО

Для связи с авторами: aleksanna.aleksanna@gmail.com, vangelina2003@yandex.ru

review

Review of monography “Britain – the European Union – NATO: Reorganization of the ‘Transatlantic Security Space’” by A.A. Aleshin (Aspect Press, 2023)

*Anna S. Aleksandrova, Angelina A. Vaskina
MGIMO University
School of International Relations, 4th Year*

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А

United Kingdom; European Union; NATO; transatlantic security space; Brexit; EU Common Security and Defence Policy

Contact the authors via aleksanna.aleksanna@gmail.com, vangelina2003@yandex.ru

Монография «Великобритания–Евросоюз–НАТО: Реорганизация “трансатлантического пространства безопасности”» А.А. Алешина вышла в свет в 2023 году и посвящена тому, как изменилось взаимодействие Евросоюза и НАТО в первой четверти XXI века. Также анализируются те изменения, которые произошли в этом взаимодействии после Брекзита. Работа содержит глубокий анализ текущей трансформации в трансатлантическом пространстве безопасности. Автор монографии, Алешин Александр Андреевич, — кандидат политических наук, научный сотрудник Сектора международных организаций и глобального политического регулирования в ИМЭМО РАН.

Актуальность данной монографии обусловлена изменениями в международной политике, такими как Брекзит и кризисы безопасности, которые требуют нового понимания механизмов сотрудничества между Европейским союзом и НАТО. В условиях растущих угроз, в том числе терроризм и кибератаки, исследование предоставляет ценные рекомендации для политиков и аналитиков, что делает его полезным для разработки стратегий в области международной безопасности.

Целью работы является определение роли Великобритании в трансформации отношений между ЕС и НАТО. Основными задачами исследования стали концептуализация трансатлантического пространства безопасности, определение факторов, способствующих его трансформации, а также инструментов реорганизации, формирование прогноза отношений ЕС и НАТО, выявление роли Брекзита в этих процессах.

Научная новизна монографии заключается в свежем взгляде на эволюцию взаимоотношений НАТО и ЕС именно с точки зрения роли Великобритании в этом процессе. Проблемы трансатлантической безопасности в литературе, в том числе и отечественной, часто рассматриваются в треугольнике «США – Евросоюз – КНР»^[1]. В качестве предпосылок углубления курса на «стратегическую автономию ЕС» выделяют ухудшение отношений с Россией^[2], приход к власти в США первой администрации Трампа в 2017 г., экономическую экспансию Китая, Брекзит^[3], причем подробно анализируются первые три предпосылки. Автор рассматриваемой монографии акцентирует роль выхода Великобритании из ЕС в трансформации трансатлантического пространства безопасности, хотя и не отрицает большого влияния украинского кризиса на этот процесс.

Работу также отличает нестандартный подход к методологии исследования. При концептуализации трансатлантического пространства и взаимоотношений ЕС и НАТО в его рамках автор придерживался не только магистральных направлений теории международных отношений и соответствующих теорий среднего уровня, что говорит о междисциплинарном характере исследования. Причиной этому стали противоречия между различными теориями по онтологическим и эпистемологическим основаниям, наличие которых вызывало сложности в поиске единых объяснений процессов, рассматриваемых в книге. Решить эту проблему была призвана трехуровневая модель,

[1] Арбатова Н.К. Разносторонний треугольник: отношения Евросоюза с США и КНР / Н.К. Арбатова // Полис. Политические исследования. – 2023. – №6. – С. 97.

[2] Мельникова Ю.Ю. На пути к стратегической автономии ЕС: промежуточные итоги / Ю.Ю. Мельникова // Современная Европа. – 2021. – №7. – С. 125.

[3] Сидорова Е. Стратегическая автономия Европейского союза в экономике: концепция и проблемы реализации / Е. Сидорова, А. Сидоров // Международные процессы. – 2024. – №3 (74). – С. 121.

теоретической основой которой стали системный и пространственный подход. Системный подход, выбранный автором, базируется на концепции тектологии отечественного экономиста А.А. Богданова, который предлагал сформулировать общие методы научного познания, объединившие бы организационный опыт общества^[1]. Так, трансатлантическое пространство безопасности было названо системой, которая состоит из двух частей: вышеорганизованной (уровень ЕС и НАТО), и нижеорганизованной (уровень государств). Пространственный подход, свойственный социальному конструктивизму, позволил автору выявить закономерности развития трансатлантического пространства безопасности и его элементов через призму эволюции идентичностей акторов и существующих институтов.

Монография поделена на три раздела, каждый из которых, в свою очередь, разделен на главы.

В разделе I «Концептуализация многостороннего сотрудничества государств в сфере безопасности» описываются основные теории международных отношений и их противоречия, касающиеся многостороннего сотрудничества (глава 1), представляется трехуровневая модель анализа многостороннего сотрудничества (глава 2) и исследуются пространственные и системные аспекты международных отношений (глава 3).

В разделе II «Великобритания в трансатлантическом пространстве безопасности» автор концентрирует своё внимание преимущественно на роли Великобритании в трансатлантическом пространстве. Так, в главе 4 проводится анализ институтов и практик безопасности в рамках НАТО и ЕС, в главе 5 рассматривается непосредственно роль Великобритании в

трансатлантических отношениях и её влияние на формирование структуры безопасности. Также в рамках данного раздела описывается стратегия национальной безопасности Великобритании до Брекзита (глава 6) и исследуется изменение национальной безопасности Великобритании после Брекзита (глава 7).

Раздел III «Меняющаяся модель сотрудничества Европейского союза и НАТО» посвящен анализу изменений, происходящих в отношении ЕС и НАТО в первой четверти XXI века. В главе 8 приводятся новые инициативы ЕС в сфере безопасности до 2022 года, а в главе 9 рассматривается поиск новых форм взаимодействия между Великобританией и ЕС. Кроме того, анализируются внешнеполитические подходы НАТО и ЕС в условиях изменений в мировой политике (глава 10), исследуется пространственная организация взаимодействия между ЕС и НАТО (глава 11) и прогнозируются сценарии будущего сотрудничества между ЕС и НАТО (глава 12).

В монографии автор пришел к следующим выводам. Прежде всего, понятие «трансатлантическое пространство безопасности» имеет несколько трактовок – идеологическую и теоретическую. Первая складывалась согласно логике «холодной войны» и вновь становится актуальной сегодня, так как обозначает блок государств Европы и Америки, видящих угрозу со стороны СССР, а затем России. Вторая же говорит о пространстве, участники которого достигли более высокого уровня взаимодействия в сфере безопасности и обороны, чем с остальными внешними игроками. Другими словами, возникают объективные предпосылки для выделения общности, которая отличается от других. Автор отдает предпочтение последней трактовке.

[1] Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука / А.А. Богданов. – М.: Ленанд, 2023. – 688 с.

Используя системную теорию А.А. Богданова, автор заключает, что система трансатлантического пространства безопасности стремится к достижению равновесия, что обусловлено наличием институтов консенсуса и принуждения. Причем с 2016 г., а именно с момента принятия новых совместных инициатив ЕС и НАТО, а также под влиянием трех кризисов – украинского 2013-2014 гг., референдума 2016 г. о выходе Великобритании из ЕС и украинского с 2022 г. – произошло усиление ядра системы безопасности, рост потенциала институционального принуждения. Но несмотря на все предпосылки к большему единству ЕС и НАТО в оборонной сфере, организации имеют разную природу, а также между ними все же подразумевается некоторое «разделение труда», например, различаются их мандаты на проведение миротворческих операций. Это указывает на сохранение тенденций к росту разнородности.

При составлении прогноза развития взаимодействия ЕС и НАТО было выделено четыре сценария, а именно выход на новый уровень, расширение, сохранение статуса-кво и деградация. По результатам анализа, в качестве наиболее вероятного был выделен сценарий расширения сотрудничества.

В чем, согласно данной работе, вклад Соединенного Королевства в развитие отношений между ЕС и НАТО? Во-первых, Великобритания традиционно выдвигает инициативы в сфере безопасности и имеет в рамках трансатлантического особый статус «моста между Европой и Америкой», что обеспечивают «особые» отношения с США, а также является одной из разработчиков Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) ЕС. В силу той важной исторической роли, которая в настоящий момент подкрепляется обороноспособностью страны и разви-

тостью ОПК, влияние Великобритании в рамках трансатлантического пространства безопасности не уменьшилось после Брекзита, перемены коснулись лишь ее положения – сейчас она выступает третьей державой. Во-вторых, дальнейшее развитие ОПБО ЕС стало возможным лишь с выходом Великобритании, тормозившей этот процесс, из Европейского союза. В-третьих, видна роль страны в консолидации коллективного Запада, прежде всего против России. Находясь в авангарде формирования антироссийской политики, Великобритания укрепляет свои позиции на Западе, что особенно актуально после Брекзита. В-четвертых, благодаря наличию тесных связей в сфере обороны с ЕС, страна сохраняет возможность влиять на повестку в интеграционном объединении.

Среди достоинств исследования можно выделить глубокий анализ, разнообразие подходов и наличие прогнозов на будущее. Монография выделяется своей многоуровневой аналитической моделью, которая позволяет глубже понять динамику сотрудничества между Европейским союзом и НАТО в контексте современных вызовов безопасности. Автор акцентирует внимание на изменениях, произошедших после Брекзита, и их влиянии на трансатлантические отношения, что делает исследование особенно актуальным в свете текущих геополитических изменений. Кроме того, работа сочетает теоретические подходы с практическими сценариями, что позволяет не только анализировать существующие проблемы, но и предлагать возможные пути их решения. Учитывая, что монография издана на базе ИМЭМО, можно утверждать, что она продолжает заложенные ранее традиции изучения трансатлантических отношений. Исследование опирается на разработанные в

отечественных институтах теоретические и методологические подходы, но в то же время вносит новые элементы, что позволяет углубить понимание евроатлантической подсистемы международных отношений.

Автор подчеркивает, что в исследовании остается ряд недостаточно изученных вопросов, требующих дальнейшего внимания. Он отмечает необходимость более детального анализа таких тем, как дихотомия мате-

риального и идеального в общественных процессах, агент-структурные отношения, а также влияние внешней среды на общественно-политические процессы. Кроме того, автор указывает на важность создания более подробной модели сотрудничества между ЕС и НАТО, которая учитывала бы максимальное количество переменных, и разработку методологического аппарата для более точного прогнозирования в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешин А.А. Великобритания – Евросоюз – НАТО: Реорганизация «трансатлантического пространства безопасности» / А.А. Алешин. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. – 317 с.
2. Арбатова Н.К. Разносторонний треугольник: отношения Евросоюза с США и КНР / Н.К. Арбатова // Полис. Политические исследования. – 2023. – №6. – С. 83-99.
3. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука / А.А. Богданов. – М.: Ленанд, 2023. – 688 с.
4. Мельникова Ю.Ю. На пути к стратегической автономии ЕС: промежуточные итоги / Ю.Ю. Мельникова // Современная Европа. – 2021. – №7. – С. 123-132.
5. Сидорова Е. Стратегическая автономия Европейского союза в экономике: концепция и проблемы реализации / Е. Сидорова., А. Сидоров // Международные процессы. – 2024. – №3 (74). – С. 119-142.

REFERENCES

1. Aleshin A.A. Velikobritaniya – Evrosoyuz – NATO: Reorganizatsiya «transatlanticheskogo prostranstva bezopasnosti» [Britain – the European Union – NATO: Reorganization of the “Transatlantic Security Space”] / IMEMO. – Moscow: Aspect Press, 2023. – 320 p.
2. Arbatova N.K. Raznostoronnij treugol'nik: otnosheniya Evrosoyuza s SSHA i KNR [The Versatile Triangle: EU Relations with the USA and China] / N.K. Arbatova // Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. – 2023. – №6. – P. 83-99.
3. Bogdanov A.A. Tektologiya: vseobshchaya organizacionnaya nauka [Tectology: a Universal Organizational Science] / A.A. Bogdanov. – Moscow: Lenand, 2023. – 688 p.
4. Melnikova J.J. Na puti k strategicheskoy avtonomii ES: promezhutochnye itogi [Pursuing European Strategic Autonomy: Up-to-date Results] / J.J. Melnikova // Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. – 2021. – №7. – P. 123-132.
5. Sidorova E. Strategicheskaya avtonomiya Evropejskogo soyuza v ekonomike: koncepciya i problemy realizacii [EU Strategic Autonomy in the Economy: the Concepts and Problems of Implementation] / E. Sidorova., A. Sidorov // Mezhdunarodnye process [International Trends]. – 2024. – №3 (74). – P. 119-142.

Сетевое издание «Международный аспект International Aspect» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: ЭЛ № ФС 77 - 80193 от 22 января 2021 г.

Журнал (периодическое печатное издание) «Международный аспект International Aspect» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: ПИ № ФС 77 - 85925 от 06 октября 2023 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка Д.А. Хворова

Подписано в печать ДАТА. Формат 60×84¹/₈.
Усл. печ. л. 7,2. Тираж 25 экз. Заказ №

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

The certificate of registry of mass media, registration date ЭЛ № ФС 77 - 80193,
22.01.2021 issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

The certificate of registry of print media, registration date ПИ № ФС 77 - 85925,
06.10.2023 issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

Layout: Daria Khvorova

Published by MGIMO University. Number of printed copies: 45.

ISSN 2949-6381 (Print)
ISSN 2949-6365 (Online)